

Ю.М. Осипов

Я — революция!

**1917—2017:
сто лет Российской революции —
столетие российских революций**

**Москва
2017**

ББК 65

О 74

- О 74 **Осипов Ю.М.**
Я—революциЯ! 1917—2017: сто лет Российской революции — столетие российских революций. — М.: ТЕИС, 2017. — 81 с.

ISBN 978-5-7218-1418-1

Нестандартные размышления о феномене Российской революции по случаю революционного столетия — 1917—2017 гг. — в российской истории

Для думающих читателей, свободных от устоявшихся идейных стереотипов.

(©) Ю.М. Осипов, 2017

Тезисы
о российских за последнюю сотню лет
революциях, их происхождении, потаенности,
безумии и непредсказуемых результатах

1. *Революция* — волевой (по преимуществу насильственный) радикальный переворот (резкий выворот) в текущем бытии-истории, его образе и способе реализации, а не сами по себе, обычно сопровождающие сие событие-происшествие, акции и процессы вроде бунтов, восстаний, массовых протестов, уличных демонстраций, стачек, гражданского (антигражданского) неповиновения, войн, вспышек террора и бандитизма, анархии, неурядиц, произвола, вообще всяких потрясений, острых пертурбаций и грубых перемен.

2. *«Цветные революции»* — тоже революции, но более всего в роли спусковых механизмов для либо уже назревших, либо удачно спроектированных и успешно вытасненных на свет собственно революций, а если и не особенно назревших, то в той или иной мере обоснованных реальным бытием-историей.

3. Революция — всегда *трансгрессия*, то бишь переход (перескок) от чего-то бытующего к чему-то *другому*, еще не бывшему, как правило, к чему-то и *противоположному*, вовсе при этом не обязательно к уже когда-то ранее существовавшему (тут действует неумолимое «отрицание отрицания», хотя и возвратное, но все равно неореконструкционное — а иначе, какой же тогда прогресс, какая новизна, какая поступательность на бытийно-историческом векторе?).

4. Революция — целостно, обычно весьма длительно и непременно глубинно обусловленное переворотное (выворотное) событие-происшествие в бытии-истории, вызываемое, навязываемое либо попущенное, — не без издевки над самим же со-

бой, — ничем иным, как именно *бытием-историей*, а поэтому в чем-то базисном, решающем и главном определяемое... о-о!.. *неизвестностью*, являющейся вполне адекватной принадлежностью бытия-истории, его *потайной* «частью» (тут хорош для примера образ айсберга — видимая, подвижная, беглая, бурлящая часть революционного события-происшествия, во многом вполне субъективного накала и горения, и невидимая, весьма покойная, инертная, как бы утишенная часть, вовсе вроде бы и не событийная, но зато *всё основное* в событийной части и *решающая*).

5. Революция — следствие 1) хронически неправильного (или же как бы неправильного) прошлого, 2) неверного (или же как бы неверного) настоящего и 3) праведного (или же как бы праведного), хотя и в аспекте всего лишь ожидания, будущего; это безусловный бытийно-исторический *срыв*, обязанный своим фактом не только субъективному фактору, вольно или невольно его подготовляющему, провоцирующему и реализующему, не только возникающим, нередко ни с того ни с сего, объективным-де обстоятельствам, не только всей сложившейся к революционному моменту-событию общей ситуации, на привычном историческом ходу непреодолимой, а потому и ее дальнейшей бытийной невозможности; тут имеет место роковое схождение «плохого»-де прошлого, «порочного»-де настоящего и «хорошего»-де будущего, обусловленное *деградацией* (ослаблением экзистенциальной потенции) уже имеющегося бытия-истории, накоплением в нем разрушительных энергий и сил — что объективных, что субъективных, ростом нетерпеливых (и даже лихорадочных) ожиданий чего-то *иного*, — поначалу все это бытует подспудно, латентно, не слишком заметно, потом все более явственно и замечается, — наконец следует *взрыв*, за которым и *срыв*, — что особенно и «занятно», ибо это не что иное, как прыжок в закулисы, зазеркалье, подполье, в темень, в неизвестность, в... *никуда*

(о неперенной в таком разе преисподней здесь можно и промолчать)!

6. Бытие-история, как и сам человек, его сознание — *органически апокалиптичны*, хотя бы в силу непреодолимого, пока есть человек как человек, противоположения в человеке природного (материнского) и неприродного (отцовского) начал, между собой неустанно борющихся, а потому, если к этому еще добавить, что ничего действительно реального, кроме кругового насилия, верховенской иерархии и эксплуатации себе подобных человек для себя не придумал, а это есть мощнейший катализатор органической апокалиптики, а соответственно, как не трудно догадаться, и таких явлений, как война, каннибализм и даже какой-нибудь инцест, как те же издевательства, пытки и казни, ну и революции тоже. Хочешь не хочешь, а апокалиптика бытия-истории непременно приводит к его обращению вкупе со звероподобием человека к срывам бытия не куда-нибудь, а прямо в *небытие*, а человека — в *безумное зверство*, что как раз и получает шанс оказаться именно революцией.

7. Полоса, момент, миг революционного небытия (хаоса) и зверства (беззакония) — полоса, момент, миг торжества погибельного небытия и смертоносной зверскости. Революция наступает (случается, выпадает, вспыхивает) в полосе, момент, миг забвения, помрачения, паралича бытия-истории, когда бытие-история, то ли изнемогая от самого себя, и себя уже негэнтропийно не удерживая, то ли не в силах сопротивляться противоположному относительно себя энтропийному наплыву, сдается и как бы уступает на время, даже и на краткий миг, свое место небытию с его хаосом, беззаконьем, беспорядком, произволом, ну и, разумеется, вполне изуверским зверством.

8. Держать бытие-историю, противостоя апокалиптике и ею же пользуясь, как и пользуясь накопленным бытийно-

историческим опытом и ему же противостоя, надо *уметь*, а ежели сие умение, пусть и обильно одобренное насилеи, куда-то улечивается, то неизбежно наступает *бытийно-историческая катастрофа*, умильно называемая в образованных по-европейски умах *революцией*, а сейчас — *бифуркацией*, — это ежели длящееся в каком-нибудь земном месте бытие-история не исчезает насовсем — как жертва катастрофы-революции-бифуркации, вполне уже inferнально-эсхатологической.

9. О Российской революции 1917 г. много чего говорено, но так ничего толком и не выговорено, причем не так даже о самой случившейся катастрофе протекавшего тогда бытия-истории вкупе с обрамлявшей его Российской империей с ее населением, как о мотивах сего срыва-крушения, в нем действительной нужде, а также о ближайших, отдаленных и дальних следствиях сего великого бытийно-внеисторического события-происшествия. Какой же был смысл в этой Революции — кто ж знает?! Автор сих строк кое-что знает, ибо в сей Революции... не было вообще-то никакого бытийного-исторического смысла, точнее, какой-то смысл и был, но лишь в самой... *бессмыслице!*

10. Сия Революция не подпадает ни под один всамделишный для той же России смысл, то бишь ни подо что, чего бы нельзя было совершить в стране безо всякой революции, но... ни бытие-история, ни ее главный вроде бы творец-человек никаким смыслом, кроме на тот роковой момент тотального *бессмыслия*, не обладали, как когда-то не обладали смыслами в угоду аналогичного бессмыслия те же Нидерланды, Англия, Франция со всеми своими бунташными голландцами, англичанами и французами. Держа в голове всякие намеренные, а нередко попросту надуманные, смыслы, надо непременно окунаться с головой в подавляющую всякие бытийные смыслы... *бессмыслицу*, — только

тогда можно сделать «хорошенькую» революцию и стать ее великими героями-творцами.

11. В момент революции бытие-история отказывает себе в своем собственном мерном и осмысленном течении, ухая в бездну, а своим взвинченным участникам — в разуме, кидающемся в безумие. Это только кажется, что бытие-история в момент революции продолжается, что действие революционеров вполне разумны, нет, тут всё совсем не так, ибо в революционном недобром замесе инициатива принадлежит хаосу и безумию, ибо без них ничего ни у бытия-истории, ни у человека, страждущего чего-то нового, а главное — *иного*, получиться не может, причем вовсе не то, что кажется на перспективу вершителям революций, а то, что и в дурном сне показаться не может, а именно... вполне *роковое неизвестное!*

12. Уход от власти царя Николая II и невхождение в нее великого князя Михаила — еще не революция, но зато ее явное предварение; думали ли венце-уже-*не*-носные братья о предстоящей революции — вряд ли, скорее, не думали, хотя и невольно стали первыми по значению российскими ответственно-безответственными революционерами 1917 г., наверное, и самыми эффективными; они и не заметили, эти несчастные братья, как не только сами погрузились в бессильное предреволюционное безумство, пусть и вослед своему высшему фронтовому генералитету, но и дали первый и последний зеленый свет уже нараставшему, вполне при этом и сильному в своей нетерпеливой на тот момент потенции, российскому бытийному и человеческому безумству; ну и далее настала очередь других революционных безумцев: сначала таких, как Львов, Керенский или тот же Савинков, затем уже таких, как Ленин, Троцкий, Свердлов, Сталин, Бухарин, Каменев, Зиновьев... каких там еще «пламенных революционеров»... Дзержинского, Фрунзе, Котовского... многих,

очень многих из бесчисленного революционного легиона; однако нельзя тут забывать и о революционных *контр*-революционерах, прежде всего о генералах, среди которых были и те, кто как раз и обеспечил срыв России вместе с ее царем в пучину Революции — Алексеев, Брусилов, Колчак, призвавшие Николая II к отречению, ну и о других бывших царских военачальниках вроде Корнилова, Деникина, Юденича, Врангеля; в революционную мешанину попали все — «профессиональные революционеры» (Sic!), «непрофессиональные революционеры» из того же Временного правительства, совсем уж не профессиональные контрреволюционеры, как те же генералы, многие жаждавшие революции «интеллигенты», включая сильно и слепо взбудораженных Серебряным веком крикливых поэтов, ничего такого не жаждавшие мещане, рабочие, крестьяне, солдаты, матросы и офицеры, инженеры, врачи, педагоги, женщины, дети, да мало ли еще кто из задетых беспощадной Революцией и обреченных на революционное безумие россиян!

13. *Революционное безумие* — это вещь! Без него ведь ни о какой революции, даже простенькой «цветной», не приходится и мечтать: только через хаос и беспредел, только через произвол и безобразие, только через беззаконие и анархию, только в фундаментальной бессмыслице происходящего! Тут потребна страшная, безразмерная и беспощадная расправа с прошлым и настоящим ради чего-то *иного*, причем *неизвестно какого* (!) — с нуля, с чистого листа, с ничто, непременно и через бездну — жутким, кровавым, смрадным походом!

14. Смысло-содержательная, она же и позитивно-конструктивная, суть революции вовсе не в самой революции, а в её... уже и в главном антиреволюционных следствиях, в том именно, что выходит дееспособным из революционного ада и закрепляется в бытии-истории как ее органическая принадлеж-

ность — *норма*! Интересный факт: суть революции оказывается как бы отодвинута во времени от собственно революции, выходя уже из рук... *антиреволюции* и не имея (почти не имея, мало имея), качественной, кроме странно-генетической, связи с революцией. А ежели эффект от революции, о котором речь, посчитать за саму революцию, то даже и в этом случае получается, что суть революции... *не в самой революции*, а где-то *за ее пределами*. От революционной неизвестности к революционной известности, однако все-таки... *пост-революционной известности*!

15. Какое же «умие» вылупилось в конце концов из российского революционного безумства 1917 г.? Учитывая, что Революция носила весьма выраженный антироссийский (антиимперовизантийский), но при этом еще и антирусский, характер, но при этом, уже после октября 1917 г., еще и антистароевропейский (тот же марксизм — в Европе рожденное, но при этом вполне антиевропейское в идейно-политическом плане учение-движение), то из щедрого на разрушение российского революционного безумства могло вылупиться с учетом мировой имперо-конкурентной и агрессивно-воинственной обстановки, тоже весьма что-то безумное, но только уже умно-безумное — и этим чем-то стало одно — *сталинизм*!

16. Сталинизм — это крайний этатизм, еще и тотальный, это вполне себе армейщина с ее иерархией, субординацией, дисциплиной, ответственностью, ну и, как водится, с карающим мечом, как и с побудительными поощрениями, заслуженными наградами и прощающей кого-то и за что-то высшей милостью. Экономика с ее деньгами, ценами, капвложениями, расходами, доходами, банками, кредитами и т. д. под жестким контролем, если не в резервации. Командное директивное сверху вниз из центра управление «народным хозяйством», господство плана и натуральщины. Фактически рабский труд, при этом не исклю-

чавший технического и иного творчества. Никакого властного демократизма, кроме совещательного, самоконтрольного и исполнительского, да и то в пределах подконтрольного коллективизма. Советы, союзность, федерализм, братство народов, даже социализм — имитационная, словесная, лозунговая, митинговая «шелуха», но никак не действенная реальность. Цивилизация, конечно, даже и с ненавязчивым правом, весьма добротной культурой, высокой словесностью, большой наукой, завидной инженерией, всесторонним изобретательством, но... вся в рамках, в матрице, в арматуре. *Спартанско-византийско-ордынская!* Хотя и погромившая охотно, жестко и масштабно византийско-православную церковь с полным отрицанием религии вообще, но охотно, жестко и целостно взявшая на вооружение не одну армейскую, но и церковную организацию с ее идеологической систематикой, приспособив к своей однопартийной (вплоть до писаний, образов, собраний и песнопений, разумеется, уже своих по форме и содержанию). Марксизм, заменивший идейно-практически христианство, не избежав при этом ему выворотного уподобления — уже по сути антихристианского, служил сталинской цивилизации не более чем идеологическим прикрытием, как, собственно, и ленинизм. В приоритете был вполне содержательно выхолощенный, уставного порядка, директивного духа *идейный сталинизм*, не бывший не то что «русизмом», но даже и собственно марксизмом. Россия со своей русскостью и своим русским миром оказалась, как и та же экономика, в сталинской резервации, хотя весьма сталинизмом и использовавшимися — вполне деспотично и по-рабски.

17. Имел ли сталинизм отношение к Российской революции 1917 г.? Да, имел, но лишь как ее, хотя и логичный, но при этом и как бы незаконнорожденный сын — как плод ленинской-де революции и сталинской антиреволюции. Сталин преодолевал разы-

гравшующая российско-антироссийскую революционную апокалиптику апокалиптическим же способом — жесточайшей, всеобщей и на время сказочно прочной *диктатурой* (личной, партийной, спецслужбистской, инквизиторской, идеологической — какой там еще?).

18. Была ли у Сталина иная возможность, был ли иной вариант, был ли иной путь? — а ведь это мало что среди разбушевавшейся апокалиптики — движения к ничто через ничто в обстановке беспощадной борьбы всех против всех, включая и само революционное чрево, но еще и, как уже было ранее отмечено, в условиях колоссального межимпериалистического мирового напряжения, вызревания новой мировой бойни, к ней уже и открытой подготовки, как и движения (Sic!) всех державных мировых игроков, включая Европу, Америку, Японию, не к чему-нибудь, а к *постгуманизменному тоталитарному диктатурству* (фашизм в Европе, причем вовсе не только в Италии и Германии; рузвельтовский «новый курс» в США, хоть и не вполне диктатурный, но все же немало и директивный; японский, уже и азиатский, милитаризованный диктат; китайские диктатурные потуги и т. д.). Весь мир прощался с гуманизмом и переходил к диктототалитарным обустройствам социохозяйственного бытия. Монополизация, мобилизация, милитаризация, тоталитаризация, диктатуризация! Так что Сталин, все это зорко увидевший и глубоко осознавший, предпочел всему революционно-контрреволюционному обесмысленному словоблудию, бестолковым инициативам и ни к чему конструктивному не приводящим «деловым начинаниям» не что иное, как... увы — *сталинизм!*

19. Есть болезненный для каждого гуманного сознания и воображения вопрос — *сталинские репрессии*. Да, тут ничего хорошего, вернее, пожалуй — мало что хорошего, но, осуждая сам

факт массовых репрессий, надо учитывать всё сразу: апокалиптику, вполне органичную человеку, неизбежную в человечестве межчеловеческую вражду, революцию с ее безмерными жертвами, исторические свидетельства и примеры, необходимость крутых в разоренной стране созидательных перемен, отсутствие на сии перемены спокойного времени и т. д. Наверное, можно было бы обойтись без именно таких вот по масштабу, жестокости и той же безумности репрессий, но... ничего ведь другого, кроме Сталина и сталинизма, в истории страны так и не случилось, — и вот это-то и должно занимать аналитические умы, как и такие аналогии сталинизма, как «иваногрозневизм» и «петропервовианство»: почему же все-таки *это*, а не что-то *другое*? Одно тут снисхождение напрашивается для Сталина и сталинизма: не Сталин вовсе в мировом бытии-истории придумал репрессии и не только сталинизм ими вдоволь «напробовлялся», так что, порицая Сталина и сталинизм, надо иметь в виду, к примеру, и «душку» Кромвеля, и «ребят» от Французской революции, и, разумеется, «милых» европейцев вроде Гитлера, Муссолини или Франко, да и самого Карла Маркса тоже, ну и, конечно же, родных нам «красногвардейцев» и «белогвардейцев» вкуче с их «бесстрашными вождями», да мало ли еще кого.

20. Очень уж тревожит сталинизм в негативном ключе современное сознание — факт! Но куда деть целую серию действительных, а не виртуальных, хотя и очень жертвенных, побед авторитарного «агмие-строя»: индустриализацию, массовое образование, социально-карьерный лифт, развитую науку, доступное для населения здравоохранение, высокую, хотя и подпорченную нарочитой идеологией, культуру, массовые физкультуру и спорт с их мировыми достижениями, победную армию, Великую победу в Великой войне, атомное оружие, вырыв в космос, одну их двух сверхдержав, международную соцсистему, главенство над

полумиром, — и всё это за четверть века, включая и страшную мировую, а для страны — отечественную — войну? Так вот — *никуда!* — *никуда всё это* реально победное не деть, оно было там и есть тут — в реальном бытии-истории — прошлом, настоящем и... будущем.

21. Мобилизационно-армейская социохозяйственная система, как показал опыт, может иметь великие достижения, но, как тоже показал опыт, на короткий срок — сталинской хватило в полном расцвете на четверть века (уже сам Сталин понимал, что надо *в корне* ее менять, да духу ему не хватало, да и сам он уже уходил шаг за шагом из реального бытия-истории); в ослабленно-усеченном виде ее хватило еще на четверть века, а дальше... дальше последовал все более и более обострившийся системный кризис, закончившийся из-за отсутствия своевременных коренных преобразований полным и чуть ли не мгновенным крахом, причем вместе с распадом сталинского СССР и сталинской же соцсистемы. Да и само сверхдержавие вдруг юркнуло в тихую небытийную заводь.

22. На месте сложного, выверенного, действенного, победного сталинского социохозяйственного монстра вдруг образовалась, не без участия антисталинистов и не без помощи внешних антистрановых сил... э-э... зияющая пустотой и смрадом... «черная дыра»! И это-то особенно примечательно: как возник неожиданно-негаданно сталинизм из «черной дыры», разверзнутой революцией 1917 г., так и рухнул внезапно обратно, несмотря на все свои жертвенные победы, в «черную дыру», услужливо открытую для него уже антисталинской революцией, а относительно большевистской Революции 1917 г. — *контрреволюцией*.

23. Вот и он — феномен замыкания бытия-истории на самое себя: *от революции к революции!* Выходит, что вроде бы весьма уже постреволюционный относительно Революции 1917 г.

сталинизм, долженствовавший закрепиться надолго в бытии-истории, чуть ли не на века, оказался какой-то временной *экстра-* или *вне-*бытийно-исторической данностью, не подлежавшей органическому единению с бытием-историей, прежде всего с российским, хотя и был, наверное, необходим бытию-истории, может, даже и российскому, но все-таки как лишь от основного течения некая чрезвычайная, если не экстравагантная, девиация (что не значит, что не могущая как-то вдруг и повториться, разумеется, иначе, в ином образе, в иной трактовке).

24. Теряется разум, мечется душа, неровно ухает сердце — что же всё это такое? Безумная революция; кровавая пореволюционная баня; затяжной и очень зигзагообразный выход из безнадежной ситуации; спасительная-де сталинская «казарма» со зверским репрессивным инквизиторством, крепостническим трудом, мобилизационным творчеством и энтузиазменным — социалистическим-де — словесно-кнутовским «погонялом»; великие победы и вдруг... *величайшее самопоражение*, а за ним — за этим чудесным самоисчезновением — *новая революционная бездна*, но не так полная всклоченного безумия, как это было в 1917-м и многие последующие годы, как безумия негромкого, незвонкого, даже и вкрадчиво-мертвящего, вовсе не тронутого не то что моралью, но даже и самой захудалой человечностью, то бишь тут уже было какое-то самое что ни на есть *не-человеческое* безумие — голодное, хищное, алчное, механическое, вовсе не иллюзийное, не романтическое, не утопическое, даже не теплое, не то что горячее — холодное, расчетливое, умное, логическое, уже вполне и совершенно *инфернальное*, в общем — *не-людское!*

25. Да, то была реставрация частной собственности, но с бессовестным захватом очень и очень малым меньшинством очень и очень больших богатств, причем созданных очень большим трудом подпавшего под очень большой большевистско-

сталинский гнет немалого народонаселения России-СССР (от подневольного населения требовался совсем не дорогой по цене, включая и очень дешевый, а то и вообще бесплатный, но непременно самоотверженный труд с беспрекословной исполнительностью, а от тотального государства — гарантии защиты, безопасности, социального обеспечения, образования, здравоохранения, карьерного роста, еще и уверенности в будущем, однако при общем управлении сверху и векторных инициативах из центра).

Вышло так, что Сталин со своим сталинизмом невольно выполнил одну важную бытийно-историческую задачу, как оказалось, главную для послесталинского алчного присвоительного племени — задачу так называемого «первоначального накопления капитала», причем не органического для той же трудящейся буржуазии, а вполне внешнего для «новобуржуазных» захватчиков накопленного богатства. Любопытно — не правда ли? — сталинизм как невольная, но эффективная предтеча не трудового вовсе, а вполне грабительского капитализма! Следственно, и Революция 1917 г. в ее конечной «социалистической» интерпретации — такая же предтеча! Но самое тут поразительное даже не в созданных сталинизмом богатствах, а в созданной сталинизмом с участием и подпольного антисталинизма, вовсе не малой армии захватчиков сего народного-де, государственного-де, общественного-де богатства. Вот где парадокс, так парадокс! Сталинизм, всячески борясь с частной собственностью, предпринимательством, казнокрадством, личным обогащением, экономическими преступлениями, криптопроизводством и криптоторговлей, спекуляцией и т. д., обеспечил вызревание в своих порах особой-опарышей, не подлежавших, как выяснилось, никаким, даже и отрицательным, человеческим-де характеристикам. Вот он — главный продукт коммунистического тоталитаризма, вроде бы и

морального, и правильного, и победного! Ах, какая тут злая ирония бытия-истории!

26. И снова на коне оказалась анти-Россия с широко открытыми дверями для западной мирной-де и продуктивной-де интервенции в страну, сдачей страны благому-де Западу, ее колонизацией этим же Западом. А всё потому, что «прихватизаторы» не могли бы состояться как новые владельцы страны без поддержки Запада, его заинтересованного участия, как и без внедрения «новых псевдорусских» в вожделенную ими западную райскую кущу — второсортьем, конечно, но... лишь бы... *туда и там!*

27. И вот тут явилось неожиданным чудом в России кое-что совершенно невозможное — большая конспиративная перемена в верхах на рубеже 1990-х — 2000-х гг. с более или менее прояснившейся ее сутью в ее же последствиях к середине первого десятилетия XXI в. — как раз через полтора десятилетия после революционного 1991 г., как заметим особо, что-то подобное произошло и с восходом сталинизма на рубеже 1920-х — 1930-х гг. — аккурат тоже через полтора десятка лет после катастрофического 1917 г.

28. Весьма судьбоносной оказалась сия перемена — вроде бы ради продолжения подлейших 1990-х, закрепления успехов криминальной во всех отношениях, антироссийской и даже противучеловеческой, вполне и русофобской, революции... э-э... *без революции*, но в то же время и ради чего-то... *иного*, если и не контрреволюционного, то явно *иного революционного*, а именно, как стало более или менее понятно к середине нулевой десятилетки — сначала ради *административного*, а потом и, что уже было настоящим громом среди ясного неба, правда, беззвучным — ради *отечественного*, причем не без обращения и к кое-чему *историческому российскому*, даже толикою и к... *советскому* (?!). Не переворот, конечно, но кое-какой крутоватый раз-

ворот с кое-каким выворачиванием только что вывернутого, — это уж точно! Дальше — больше, и к 2017 г. вдруг стало ясно, что перед взором любого сколько-нибудь проницательного наблюдателя на части территории бывшего СССР, стоит, то бишь на «поляне» Российской Федерации стоит, а не маячит вовсе, именно стоит... РОССИЯ!

29. Нет, не революция вроде бы, и не контрреволюция, но довольно-таки революционная по своим итогам *новая перемен* в бытии-истории страны: только что в жуткие 1990-е на российской территории вольготно резвилась прозападная антиРоссия, как вдруг, откуда ни возмись, восстает на той же территории... *Россия*, да еще и суверенная, самостоятельная, чуть ли не царственная, да еще и боеспособная, решительная, «злая». Ну и дела-а! Попробуй-ка — разберись!

30. Нет, вовсе не благодатная, не совершенная и даже не очень-то справедливая, а весьма даже проблемная, занозистая, немало и злостная, но, во-первых, Россия всё-таки, а не глобалический заповедник-резервация, во-вторых, Россия заново образующаяся, ищущая свое новое бытийно-историческое воплощение, в-третьих, Россия, хотя еще лишь идущая к себе, но вряд ли уже останавливаемая кем-либо и чем-либо на этом, пусть и тернистом, может, и не бескровном, но исторически совершенно оправданном пути.

31. Чудо, вполне себе *чудо*! И это при всех, хотя и весьма уже скорректированных, достижениях-плодах коварных 1990-х, которые есть, бытуют, входят в новую Россию: демократизм, губернаторство, публичное представительство, многопартийность, капитализм, финансизм, олигархат, богачи, средний класс, заядлый менеджери́зм, беднота, маргинальность, но при этом сидит в современной России и кое-что из «гнусного» прошлого вроде социализма, феодализма, «самодержавности», ордынщины, армей-

скости. Что в итоге будет и какой реально станет строящаяся вроде бы не по плану, но и не без кое-какого стратегического субъективного намерения, Россия — дело реального бытия-истории с его «ходом человека», «ходом вещей» и «ходом неизвестности», а для нас здесь важно связать этот внезапный выплеск *России в России и в Россию* с российско-антироссийской Революцией 1917 г., с последующим за ней крутым сталинизмом, его великими победами и внезапным крахом, с предательски противострановыми, но очень и очень круто переменными, 1990-ми, в общем — с прошедшим с 1917 г. воистину тернистым, многострадальным, многопобедным, воодушевительным, и не один раз круто и инфернально вывернутым столетием.

32. Выходит, что уже в петровско-екатерининской романовской Российской империи бытовало немало неРоссии и антиРоссии, даже весьма подмявших под себя Русь-Россию и немало над ней поиздевавшихся. Плененная в собственном доме, она лишь обслуживала трудом, потом и кровью не очень-то российскую, а скорее все-таки проевропейскую по духу своему империю — а такие самодержавцы, как Александр III и его несчастный сын Николай II, так и не смогли мирно и благообразно вывести Русь-Россию из нави и изменить характер всей империи в русскую сторону, несмотря на не малые с их стороны усилия. Победу одержала сначала проевропейская временноправительственная полусила, потом и проордынская (сталинская) большая сила, которая вновь пленила под себя Русь-Россию, но... все-таки была вынуждена пойти ей навстречу — опаснейшая антиэкзистентная крайность заставила, да и недееспособность надуманного «социализма-советизма» тоже; пришлось даже восстанавливать кое в чем империю времени Александра III и того же Николая II (армия, образование, культура, наука, инженерия, архитектура, даже и... церковь). Бытие-история идет, хоть и прерывисто,

с падениями и крахами, но и постоянно выворачиваясь, меняя обличье всех его системных и личностных фигурантов, колеблясь *от* и *до*, самоотрицаясь и непременно снова самополагаясь.

33. Ну вот и славные, они же и «лихие», «послекраховые» 1990-е. Казалось, что России конец («Метили в коммунизм, а попали в Россию!»), — и действительно так оно и было: поносимая «жертвами сталинизма», разными «ненавистниками» социализма-советизма, ярыми адептами «цивилизованного и благополучного» Запада (и в самом деле очень и очень потребительски «вкусного» и гедонистически завлекательного, безудержно манящего, воистину «манкового»), но при этом расхватанная новыми своими «прихватизаторами», Россия погрузилась не просто в большой раздрай, жуткий аморализм и немалое отчаяние, а прямо-таки в некую «бездную бездность», долженствуя благопристойно в ней и исчезнуть. Но... нет: не исчезла Русь-Россия, каким-то чудом сохранилась, даже, пожалуй, и уцелела (в нави, в душах, в умах, в традиции, в идее, в метафизисе, в самой даже своей трансценденции). И восстала она вдруг — как птица Феникс из пепла: оболганная, поруганная, обворованная, чуть живая, и пошла вдруг на подъем, ибо, как который уже раз в истории выясняется, что без сущностной Руси-России стране России попросту *никуда* — без этого вековечного *корабля спасения!*

34. Не надо, всезнающий читатель, криво в сем месте ухмыляться, встретив сии «наивные»-де неученые рассуждения, а оглянись лучше вокруг, да и обсмотри родные окаёмы, может, что-нибудь тобой совершенно не мыслимое и заметишь! Да, ни строго логически, ни системно, ни научно, ни даже просто по-житейски тут ничего не понять, не объяснить, не уразуметь, ибо само Бытие-История вовсе не строго логично, не системно, не научно и даже по-житейски не разумно, у него своя... э-э... не логика вовсе, а лишь свой... *промысел*, совсем и не логичный,

своя телеология, своя апокалиптика, своя и эсхатология, согласно которым России не только еще не наступил конечный срок, а наоборот — её *новое время* только еще наступает! Могла ли Россия обойтись без Революции 1917 г., всех ее последствий и дальнейших бытийно-исторических выворотов? Нет, не могла, как и не может она стать ни чем другим, кроме как быть *самою собою* — и в этой необъяснимой крепости и живучести Руси-России залог ее... нет, вовсе не процветания по типу удачливой Европы и успешной Америки, а всего лишь какой-то, просто так и не вообразимой, мирового значения судьбоносной для человечества экзистенции!

Мистика Российской революции

Самый глубокий и проницательный русский мыслитель середины XIX в. Ф.И. Тютчев выказал то, что не выказал никто на Руси ни до него, ни после, а именно, странную, вполне и невозможную, весть о России:

*«Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить,
У ней особенная стать,
В Россию можно только верить!»*

Долгое время по-европейски образованным соотечественникам гениального прозорливца казалось, что эта тютчевская сентенция не более чем литературный казус «полурусского, вполне и европеизированного, ума», этакое ни к чему серьезному не обязывающее и чуть ли не частушечное четверостишие: то ли Россия признавалась Тютчевым полной, знаете ли, дурой, то ли сам талантливый поэт дал веселого маху, выступив таким невольным... э-э... дурачком перед всей «умственной Россией», которой уже тогда было ясно, а уж потом — тем более, что Русь-Россия — отсталая страна с махровым феодализмом и таким же царизмом, заплесневелым православием и дурковатым народцем, так вполне и не переделанная неистовым Петром Великим в истинно европейскую страну, что Россия по-прежнему нуждается во всесторонней европеизации — если уж и не в революционной, то хотя бы в реформационной, что надо покончить с помещиками, крепостничеством, царем и его бюрократией, воинственным российским империализмом, вообще со всяким византийско-ордынского образца русским-де деспотизмом, что потребно свободное развитие прогрессивного экономизма, даже и в виде непо-

требного капитализма, как дикого своего, так и лукавого пришлого, а также науки, техники, образования, как и, разумеется, демократии, вполне уже европейского — конституционно-законотварного — образца.

Всё было в России и с Россией для местной не-России, если не анти-России, умом понятно, аршином проевропейским в целом измерено и адекватно оценено, причем всё оказывалось сплошь негативным и никакого перспективного значения не имело, а уж потребности верить в Россию вообще никакой не было.

Выходило одно: Тютчев высказал явную нелепость, если попросту не сморозил глупость, а потому и неча было обращать на эту примитивную писанину никакого заинтересованного внимания.

А ведь сегодня, кстати, всё то же самое: и Тютчев явно нелеп со своим нелепым словом, и Россия по-прежнему нелепа со своим неискоренимым антиевропейством, вполне, опять же, нелепым!

Но что особенно поразительно: последняя проевроамериканская реформация 1990—2000-х гг., она же по сути и революция, ничего существенного для страны так и не дала, — как была Россия нелепой Россией, так и, увы, ею, давно уже проклятая, остается!

Отсюда любопытнейшая смысловая загогулина: Россия постоянно заслуживает евровреволюции, ей регулярно подвергается, нещадно затем под Европу передельвается и... как вполне глупая птица Феникс... остается Россией, чуть ли даже не вновь и вновь всерьез и взаправду возрождаясь!

Сколько реформно-революционных усилий, деяний, событий, происшествий, обманов, лукавств, свар, преступлений, героизмов, жертв, а воз российский все там же — в вязкой, унылой и темной «евразийской колее»!

Вот вам и сакраментальный вопрос: *Россия и Революция?!*

И опять же тут как тут тютчевская «нелепость»:

*«Умом Россию не понять,
Аришином общим не измерить,
У ней особенная стать,
В Россию можно только верить!»*

Жуткий это вопрос: революция за революцией, включая и рюриковскую, и византийскую, и ордынскую, и москвокняжескую, и смутовременскую, и романовско-никонианскую, а потом и все остальные революции от петровской и второалександровской до большевистской (ленинской), антибольшевистской (сталинской) и глобалической (горбачевско-ельцинской), а может, еще теперь и... э-э... не будем об этом, хотя... почему и не революция вдруг явилась в пореформенной России 2000-х гг., а-а? — и Русь-Россия, против которой, а может, и... за которую, затевались и свершались все эти революции, стоит себе и стоит — как неперемненное историческое, пусть и нацело «дурное», явление, чуть ли не ожидая... э-э... новой революции, освежающей, исправляющей и вновь Россию... искажающей?

Тут и знаменитые тютчевские строки уже не кажутся такими уж нелепыми, ибо как ответить на вышеозначенный сакраментальный вопрос, не обратившись хотя бы вынужденно к тютчевской невразумительной-де сентенции, то бишь ответить на сей вопрос не совсем уже и умственно (разумно), да и не без странной веры не во что-то сакрально-абстрактное, а в саму по себе конкретную Россию, а-а?

Выходит, что *Россия и Революция* каким-то удивительнейшим образом бытийно, исторически и даже экзистенциально переплетены, причем как явные противники, но при этом и... *соратники-трудники!* Революция старательно переделывает Русь-Россию, а Русь-Россия не менее старательно остается... самую

собою, то бишь вроде *по сути* никак и не переделанной. Смысловое ядро России, ее корневой эгрегор зачем-то сохраняются в сердцевине (криптосердцевине) России, несмотря на смертельные удары по ней жестких и бесцеремонных революций.

Интересно, что Россия каким-то непостижимым образом мало что уживается с анти-Россией, но еще и удерживается, пусть и меняясь феноменально, под натиском высокомерных, разрушительных и беспощадных антироссийских по основному духу своему революций.

Россия, анти-Россия и Революция!

Тройня, тройка, троица?!

Есть, над чем всерьез задуматься, не правда ли?

Давняя история — давней историей, но есть история и ближайшая, вполне и теперешняя. 2017 г. — год столетия Российской революции 1917 г., как и год 27-летия начала глобальной антироссийской революции 1990-х гг., а также год, входящий аки шарик в исторические четки, тоже вполне немало революционных 2000-х гг.

Обосновать разумно Революцию 1917 г., составившуюся из двух суб-революций — *про-европейской* февральской (масонской) и *про-анти-европейской* октябрьской (большевистской), не так уж и трудно: всё те же отсталость, гнилость, косность, феодальность, самодержавность, империальность, массовая бедность, безудержная эксплуатация, тотальная несправедливость, запоздалое помещичество и безземельное крестьянство, недовольный всем и вся пролетариат, подпольное революционное движение, легальная фронда, ну и тягостная бессмысленная война, огромные потери и напрасные жертвы, всеобщее неудовлетворение, слабость царя Николая II, измена ему главных военачальников, антидержавный фронтовой протест, тайное и не очень вмешательство заграницы, угроза того же голода, да мало ли еще

что, в общем — возникновение не одного лишь тотального неприятия всего сразу, но и внезапного явления пресловутой *«революционной ситуации»*.

И что крайне любопытно: обе субреволюции, как и вся Революция 1917 г. в целом, носили ясно выраженный... *антироссийский (!) характер*. Вновь вспыхнула борьба *анти-России с Россией*, что как раз и было заведено в Руси-России с незапамятных времен. И это-то понять что «чистым», что и «нечистым» умом всего труднее, как и вряд ли можно понять теми же умами, зачем это вдруг в Россию пришел нероссийский (вполне и антироссийский) «социалистический проект», рожденный в Европе как судорожный *евроантиевропейский проект* (приведший в Европе к крайней форме антиевропейской «социализации» Европы — *фашизму*, вместе, разумеется, с евроантиевропейской *фашистской революцией*) и не имевший никакого коренного онтологического и гносеологического отношения к России.

Чтобы как-то всё это в общем-то несуразное понять, нужно обратиться не к одной лишь тогдашней России, но и к тогдашней Европе, к которой как раз внутренняя проевропейская анти-Россия всюду слепо и стремилась, но которую тогда совершенно по-европейски империально и революционно всюду «колбасило», что и вызвало в итоге мировую войну 1914—1918 гг., вызвало на простор европейский фашизм и вылило в Россию «социалистический проект», он же и «красный проект», он же и «проект мировой революции», согласно которому Россия в лице своих застарелых и молодых элит, как и масс трудоспособного русского населения, должна была окончательно сгнуть долой с высокоцивилизованных евроглаз.

Европа, хотя и не только она одна, хотя бы и та же Япония, всячески поощряла революцию в России, а уж в 1917 г. просто ее решительно спровоцировала, причем не только в лице воевавшей

с Россией Германии, но и «союзной» России «сердечной» старушки Англии, сообщив России еще и «выстраданный» кризисной Европой «социалистический проект», давно уже имевший в России заразительное хождение и обретший в ней своих фанатичных адептов (то был европейский «дар» стране-дуре, которую Европе явно «было не жалко»!)¹.

Несмотря на вихри революционных страстей и потоки невинной крови, «социалистический проект» как таковой не был реализован в России уже в силу своей явно всецело утопической надуманности (сейчас приходится только удивляться, как он вообще мог прийти в головы его адептов от Кампанеллы с Мором до Маркса с Лениным!), но зато в ушедшей в экзистенциальную навь России был реализован некий *социализированный этатизм*, он же *сталинизм*, причем этатизм тотальный, лишь прикрытый пособлявшей ему однопартийной (ВКП(б), КПСС) системой, представлявшей как бы всё передовое (сознательное-де) население страны — снизу доверху, как и, разумеется, сверху донизу.

Чтобы понять-таки сталинизм, достаточно сравнить сей поразительный строй с армией — армейского образца то был строй, вполне и имперский, как, собственно, и византийско-ордынский.

Формально то был вроде бы строй трудящихся, среди которых, как и в армии, солдаты, офицеры, генералы, маршалы, ну, и генералиссимус тоже: никто при этом не собственник ни орудий производства, ни земли, ни капиталов. С весьма эластичным попервах социальным лифтом: кадеты (пионеры), юнкеры (комсомольцы), офицеры (специалисты, партийные функционеры), а кому повезет, то и генералы (партийные деятели, крупные директора), еще и маршалы (члены политбюро, министры). Если кому-

¹ Таких внешних «даров» Россия, как известно, получила в виде анти-российских революций немало за свое бытие-историю, да и продолжает таковые безрассудно стоически получать.

то не нравится сравнение с армией, то можно привлечь... э-э... церковь, пусть и весьма разгромленную тогда большевиками, но вообще-то вполне себе по-армейски устроенную — с четкой иерархией и крепкой дисциплиной. Армия и церковь, да еще, пожалуй, разные тайные и полутайные ордена вплоть до масонских — вот образчики для сталинского устройства уже не России как таковой, а Союза Советских Социалистических Республик, где ни одно из определительных слов, правда, не соответствовало фактической действительности (ни «союз», ни «советский», ни «социалистический», ни «республик»).

Был ли необходимым и эффективным сталинизм во главе со своим безусловным и непререкаемым вождем Сталиным, а потом — уже в послесталинское время — во главе с первыми лицами СССР — теми же генсеками? Надо полагать, что ни к чему другому из истоково нероссийского при загнанной в подполье исторической России на развалинах Российской империи и в разрушенной Революцией стране в обстановке жесточайшей международной конкуренции и милитарной межстрановой вражды, как и при острой потребности молниеподобного решения громадных перестроечных задач, стоявших перед страной, прибегнуть было нельзя. В аспекте решения действительно неотложных и на самом деле грандиозных задач — тех же индустриализации, электрификации, милитаризации, образования, просвещения, кадрового обеспечения и т. д., да еще и в нещадно обираемой и эксплуатируемой стране, сталинизм оказался вполне себе эффективным строем, а вот в том, что касается уплаченной за его эффективные деяния гуманитарной цены, то тут нет и не может не быть однозначного ответа: гигантская жертва, она и есть гигантская жертва!

Сталин со своим сталинизмом, а потом и сталинисты со своим уже вторичным (ослабленным, дырчатым, протечным) ста-

линизмом, одержали немало воистину великих побед, среди которых: 1) строительство новой цивилизации (вовсе не советской и не социалистической, а, повторим, тотально этатической); 2) индустриализация, включая во вторую очередь и сельское хозяйство; 3) ускоренная урбанизация; 4) достижение всеобщей грамотности населения и весьма гибкого социального лифта; 5) блестящее образование с высоким профессионализмом кадров; 6) передовая системная наука; 7) доступное для граждан здравоохранение и массовый спорт; 8) всестороннее хозяйственно-культурное развитие страны с выходом ее на второе место в мире; 9) мировое великодержавие с лидерством в масштабах полумира; 10) передовая армия и славная победа в Великой Отечественной войне; 11) создание авиации, ядерного оружия, телевидения, ракетной и атомной техники; 12) выход в космос; 13) освоение Арктики и Севморпути, заинтересованный заход в Антарктиду; 14) неслабые достижения в литературе, искусстве и в том же элитном спорте; 15) массовое жилищное строительство; 16) гуманитарная поведенческая мораль; 17) уверенность граждан в своем будущем и будущем страны.

Да, то были великие достижения социализированного этатизма, вполне и тотального. Факт! Имела ли к этому отношение Российская революция 1917 г.? Имела! Но не так по своим идеям и намерениям, как по самому факту своего свершения: без сей революции ничего подобного сталинизму вкуче с СССР в стране попросту не случилось бы! Тоже ведь факт. И что тут особенно замечательного: случилось как раз то, что революцией вовсе никак не предусматривалось, что убедительно означает, что не в идеях и намерениях революции более всего дело, а в самих фактах их свершений, не в том, чего хотят революции, а в том, что после них в итоге получается, а получается, что особенно примечательно, вовсе не то, чего хотят обычно революции, а что прак-

тически выходит в итоге революционных потрясений, причем не столько от самих этих потрясений, сколько от них — этих потрясений — и от их — этих потрясений — последствий неизбежного избавления.

Если революции исторически и хороши, то не тем, чего они хотят, даже не тем, что за ними непосредственно следует, а более всего тем, что они так или иначе отменяют *старое*, причем вовсе не самое при этом плохое, но якобы уже не нужное и якобы уже и впрямь отжившее.

В самой потребности в революции как в гильотине для текущего бытия не всё так уж просто: революции случаются более ведь... *сами по себе*, чем в соответствии с какой-то кем-то осознанной объективной-де потребностью. Могла ли та же Российская империя обойтись без Революции 1917 г.? Почему нет, вполне и могла, но вот... не обошлась! И дело тут вовсе не в безнадежном устаревании редкостной империи, не в сложившихся роково текущих обстоятельствах, даже не в разрушительной работе тех же «революционеров» вкуче с враждебной России агентурой — тут дело в сосредоточении внутри странового организма, даже и весьма развивающегося, некой *энтропийной антиэнергии*, питаемой как массовым застарелым недовольством и привычным ото всего неудовлетворением, даже и протестом, тем же молодежным, так и общей неопределенностью бытия, духовной усталостью и душевным разладом, исчезающей безысходностью, да мало ли еще чем, что работает обычно на *антиэнергетический негатив*, ее консолидацию, и, как правило, внезапный взрыв накопленного негативного потенциала.

Революции случаются не от того, что большинству бывает действительно плохо, а от того, что немногим *очень хочется* чего-то... *другого*: они-то, эти немногие, и оседлывают осознанно и

нет накопленный в обществе энтропийный негатив, стимулируя его вырыв на волю и бросая страну в революцию.

И какой же на Руси и в России может быть самый устойчивый и неистребимый негатив, кроме как... анти-Русь и анти-Россия, поощряемые более всего, как ни странно, самой же Русью и самой же Россией. Революции в Руси-России затевают и совершают более всего именно антирусорооссийские силы — внутренние и внешние, а питает эти силы вопреки себе как раз сама Русь-Россия — совершенно, знаете ли, «неправильная», но почему-то при этом неистребимая.

Вот и Российская революция 1917 г. не избежала сего антироссийского манка, яростно набросившись на корневую Русь-Россию: как поначалу ради традиционно привлекательного европейства, так и затем ради уже нетрадиционного, но оказавшегося весьма прельстительным евроантиевропеизма (пресловутого «социализма»).

А вышло в итоге что: ни то, ни другое, а... третье, причем поначалу весьма антироссийское («всемирнореволюционное»), а затем... нет, конечно, не пророссийское вовсе, а, скажем так — *парароссийское*, как раз со сталинской матричной закваской и в виртуально-«социалистической» упаковке, хотя и не без известного, весьма и вынужденного, обращения сталинизма к русской культурной и частично духовной составляющей, а уж во время великой войны — прямо и к *русскому народу*.

Нет, Сталин, отвергший назревавшую было жертву России в угоду «мировой революции», придуманной в идейных тайниках Европы, не строил никакой новой России, он лишь использовал ушедшую было в навь и частично вызванную им в явь традиционную Россию, используя ее для строительства некой *надмежнациональной имперской цивилизации*, предназначавшейся для основания на планете Земля какого-то *нового мира*, вполне и аль-

тернативного всему историческому прошлому — по названию-де «социалистического», а по сути-то... э-э... незнамо и какого, разве лишь *экстраэстатического* (чуть ли не *ультраордынского*). Сталина более привлекали такие исторические персонажи, как Македонский, Цезарь, Чингисхан, а вовсе не Кампанелла, Мор, Оуэн или тот же невразумительный для Сталина Карл Маркс.

Пресловутый «красный проект» был для Сталина не более чем идеологическим прикрытием и политическим рычагом, хотя Сталин и был последовательным противником экономизма-капитализма-либерализма, то бишь всего «западнизма» в целом, но сей проект никак не был для Сталина вожделенной целью (недаром же он расправился со всеми ретивыми адептами «мировой социалистической революции!»).

Нравится это кому-то или нет, но жесткий, безальтернативный, командно-дисциплинарный, армейский, еще и жестокий (для некоторых свидетелей и обозревателей попросту и зверский) сталинизм оказался, возможно, и не самым эффективным по затратам, но, заметим особо... *абсолютно победным*, пожалуй что, и *фантастически победным*. Факт! За четверть века преобразований и свершений — совершенно новая, при этом и невероятно могучая, деятельная и уверенная в себе страна — как раз *страна-победительница*, восхитившая и воодушевившая полмира, но остальные полмира при этом изрядно потрясшая и напугавшая. И если первые полмира так или иначе пошли за СССР, то вторые, возглавляемые невероятно усилившимися по итогам Второй мировой войны Соединенными Штатами Америки, пустились не просто в сопротивление СССР, а в настоящую с ним войну, прозванную второпях и на всякий случай «холодной». Внешняя анти-Россия вовсе не дремала, формально выступая как анти-СССР, а внутренняя... внутренняя сидела тихо в том же СССР, впрочем, как сидела там тихо и собственно Россия. Победителем и управи-

телем в стране был *сталинизм*, пусть и весьма смягченный после ухода самого Сталина (И. Джугашвили), — и сталинизм не предполагал ни слишком явной России, несмотря на главенство русского языка, русской культуры и даже существование РСФСР — этой самой крупной из «союзных республик», ни слишком явной и анти-России, тогда попросту и не слишком нужной.

Поощрив изрядно бодрый и непреклонный сталинизм, бытие-история вдруг стало спустя четверть века побед, достижений и процветания от него отворачиваться, выведя на смену удач и перспектив сначала глубокий застой с прозябанием, а затем и немое разложение с исчезновением, на что, правда, тоже ушло не менее, если не более, четверти века.

Тут важно обратить внимание на несколько существенных фактографических и смысловых моментов.

Во-первых, сталинский строй был «хорош» (в плане «деловой эффективности») для скорого решения ясно выраженных, пусть и совершенно грандиозных, задач, требовавших полнейшей мобилизации всех возможных и невозможных ресурсов и сил по образцу военного времени («пробежать столетие за десять лет», не считаясь с «расхожей» моралью, субъективными «мнениями», личными пристрастиями и свободами, житейскими нормами, устоявшимися традициями, обоснованными временем потребностями и т. д.); по прошествии довольно краткого по историческим меркам времени, как раз совпадающим с решением в целом поставленных экстраординарных задач, мобилизационная энергия неизбежно ослабевает, квазиармейская организация все более на месте пробуксовывает, созидательно-творческая мотивация оскудевает; на потребность же неизбежной демобилизации общества и дезармеизации трудо-творческого бытия образцово-тоталитарный строй не может адекватно и эффективно ответить, ибо движение в требуемом направлении ставит под уже новую

революционную гильотину сам же этот победный строй; отсюда неэффективное предпочтение разного рода полумер и имитаций, лишь разлагавших строй и весьма скоро и скоро доведших его до полного изнеможения, опустошения и самоотрицания.

Во-вторых, аналогично в историко-экзистенциальном аспекте выглядела и *планово-административная («генштабистская») система* организации национального (народного — согласно советской идейной эстетике) хозяйства: весьма и весьма эффективная на момент экстремальной «чрезвычайки» («за десять годков проскочить целую сотню лет»), когда было ясно, что (индустриализация и т. д.) и как (мобилизационно, командно и дисциплинарно) делать, данная система теряет свою революционную и контрреволюционную эффективность в обычных житейских условиях, когда на передний план выходят не что иное, как неизвестность, неопределенность, сложность, вероятностность, дискретность, разнообразность, изменчивость, гибкость, обновляемость, а также свобода личных инициатив, решений, предпринимательства, творчества, как и стремление к всестороннему, разнообразному, достаточному и высокоуровневому потреблению, вообще приходят некоторые индивидуализация и партикуляризация жизни, деятельности, самой человеческой (личной, коллективной, локальной) судьбы, тотальная планово-административная система теряет эффективность и становится тормозом не только в развитии страны, но и в самом жизнеотправлении граждан, сообществ, нации в целом.

В-третьих, каким бы ни было лояльным, трудоэффективным и даже высокоморальным «отборное» и нужным образом обработанно-воспитанное население — беззаветно трудившееся, верно служившее и даже чрезмерно энтузиазменное, рано или поздно оно устает от напряжения, жесткой дисциплины, всесторонних ограничений, недопотребления, «уравниловки», личной

несвободы, закрытых страновых границ, невозможности роста личного и семейного благосостояния, то бишь устает от параармейского, слишком уж государственно-общественного, регламентационного, принудительно-распределительного, а местами попросту и бездарного в социально-хозяйственном и идейно-культурном планах общественного и личного бытия, — и эта усталость начинает непременно сказываться сначала глухораздражительно, а затем и поведенчески-негативистски, в особенности с уходом признавшего сей строй и несшего его на своих героических плечах сознательного поколения и приходом других поколений, явно уже уходящих от бескорыстного героического поколения в негероическую потребительскую обыденность и желающих уже чего-то *другого* — хотя бы не столь казарменного и общеэнтузиазменного!

В-четвертых, воздвигнутый на всестороннем насилии и на безоговорочном подавлении не только своих явных противников, но даже и попросту с чем-то не согласных, в чем-то сомневающихся, имевших какие-то иные экзистенциальные предпочтения отдельных граждан и целых слоев населения, сталинский строй не только не мог обходиться без перманентного насилия и энергического подавления, но и, что особенно любопытно и важно, не мог-таки окончательно избавить себя не только от противников и несогласных, уходивших в сторону, в глубь, в подполье, в тень, но и, так сказать, от явно негативной, порочной, преступной, «беззаконной», криминальной, негодной, в общем — «плохой» части населения, которая, несмотря на преследования, репрессии и ликвидации, пусть и в неблагополучии, но выживала, еще и накапливалась где-то в асоциальных криптосферах, не пренебрегая и разными криптопóрами даже в самом легальном строевом организме — снизу доверху и справа налево; заметим, что скрытых, полуявных и явных неприятелей, противников, если не попросту

врагов, у сталинизма, да что сталинизма — и у «советов», и у «социализма», и у «дружбы народов», и у «родной КПСС», и у «вечно живого марксизма», и у... что дальше говорить!.. — было всегда предостаточно, а с кризисом хоть уже и ослабленного сталинизма в 1970—1980-х гг. их только прибавлялось; любое из надуманно и насильственно утвержденного, в особенности что-то инородное — в духе безумной идеи «еврокоммунизма», не может пройти мимо даже при кажущемся массовым признанием, вполне и искреннем, от неприятия, вражды и сопротивления, а при случае — и от сознательной ликвидации.

В-пятых, переводя редкую созидательно-предпринимательскую энергию прирожденных организаторов и делателей бытия в социально-государственное русло и весьма эту энергию используя (руководителей всех мастей, директоров, конструкторов, изобретателей, ученых, режиссеров, даже и писателей с художниками), сталинизм не смог вытравить из некоторой части этой части активного населения врожденного инстинкта к личному, своему, индивидуальному, частному делу, мало того, еще и приносящему его вершителю полное материально-психологическое удовлетворение, растущее безразмерно богатство, экзистенциальную силу и власть.

В-шестых, сталинизм не мог не создать особого слоя трудящихся — *управляющих* — «офицеров», «генералов», «маршалов», пусть во многом и выходцев из нижних страт общества, но занявших «верхние» места в социуме и незаменимо функционировавших в качестве «хозяев», «управителей» и «правителей» страны — слоя так называемой «партгосноменклатуры», — и когда сей строй перестал оздоровительно обновляться (пусть и репрессивно), почуял для себя несомненную стабильность и испытал возможность произвольно и беспардонно властвовать, то он, сей слой, не замедлил переродиться из «коммунистического» и

«государственнического» в обиденный слой жадных потребителей и алчных присвоителей, еще и с отложенным по вине жуткого «скряги» Сталина на всё это спросом.

В-седьмых, сталинизм бился небезуспешно за обывательскую мораль («не убий», «не укради», «не подставляй другого», «не лги», «не предавай» и т. д.), сам же не слишком следовал таковой, оправдывая свое экстремальное поведение большими и важными государственными и партийными мотивами и соображениями, но кое-чего добившись из морального в поведении и жизни признавшего его и лояльного к нему поколения, сталинизм не смог всерьез и в целом преобразовать человека, что кстати, не удалось, как известно, и самому Христу, а потому с ослаблением инквизиторского давления сверху гражданско-товарищеская мораль стала как-то быстренько исчезать, замещаясь некой общечеловеческой обиденной моралью, нередко замешанной на самом обыкновенном аморализме.

В-восьмых, утвердившийся в итоге Революции 1917 г. и Гражданской войны 1918—1920-х гг., интернационально-большевистский коммунизм отверг не только российский феодализм вкупе с квазироссийским капитализмом, не только царизм с его дворянством, армией и жандармерией, не только Российскую империю («тюрьму народов» с ее «великодержавным шовинизмом», естественно — «русским»), но и саму по себе *русскость*, ее совершенно не понимая и не принимая, но зато яростно ненавидя; укреплявшийся год за годом державный сталинизм, не только охладевший к интербольшевизму, но и отпрянувший от мирореволюционного «красного проекта», еще и попавший в жуткое горнило великой войны, не мог не осознать спасительной важности опоры на «русский народ», на отечественные победоносные традиции, на российскую гуманистическую культуру, даже на беспощадно гонимые тогда православие и церковь, а потому и не

мог не развернуться в сторону «русского начала», но... развернуться-то он развернулся, да вот, естественно, не вполне, оставив «русскость» более в нави, чем выведя ее в явь; так или иначе, но важно иметь в виду, что ни сталинизм, ни СССР, ни советский строй, ни государственный социализм не только не были русскими изобретениями, но были по сути (когда-то громко, открыто, затем уж прикрыто, втихаря) деяниями *антирусскими*, отчего и не были вполне органичными российскому бытию-истории, как и близкими русским духу и сердцу; русский человек был вынужден подзабыть суетно и грешно свою русскость, но подзабыть в суете и во грехе — вовсе не значит забыть архетипически (генетически), характерически, поведенчески, мировоззренчески, в особенности непосредственно не земле, в деревне, на природе, среди народа и его преданий, да и в библиотечных спецхранах тоже, где томилась арестованная и преданная забвению собственно русская гуманитарная мысль; однако *разрыв* между коренной русскостью и нахлобученной на нее наднациональной нерусскостью, если не антирусскостью, имел-таки место, сыграв роковую роль в судьбе сталинизма и СССР; одно дело — вынужденно нести на своих плечах сталинизм и СССР, сохраняя в исторической нави Россию, совсем другое — быть функционализированным адептом сталинизма и СССР, их адаптированным носителем; *измена* России, русскости, русскому миру имела-таки место в практике «мирового коммунизма», а вот полного исправления сей коварной ошибки, если не преступления, так и не произошло.

В-девятых, нужно принять во внимание и нашествие на страну чуждой ей идеологии в виде «верного и вечно живого» учения — *марксизма*, принявшего в России образ марксизма-ленинизма, а на некоторое время даже марксизма-ленинизма-сталинизма, что было в общем-то справедливо, но лишь для самого этого учения; не было и нет никакого резона отрицать эле-

менты правды в этом в основе европейском (и антиевропейском тоже) учении, но учение сие, будучи весьма правдивым в критике факта эксплуатации человека человеком, ее практической безудержности, как и в разоблачении эксплуататорской и хищнической природы капитализма и лицемерности сопутствующей ему «демократии», оказалось совершенно неприемлемым, если не вредным, в плане устройства человеческого бытия, да еще и свободного, и справедливого, мало того, оно оказалось очень даже приемлемым для построения общества «иерархического тоталитаризма» со вполне рабской внутри него составляющей; но это не всё: будучи безоговорочно примененным, насильственно внедренным и тотально распространенным, сие учение как само весьма споро омертвело, так и закрыло намертво возможность не просто иных идеологических предпочтений, но и развития человеческой мысли и сакрального духа вообще; большевизм-сталинизм повторил ту же роковую ошибку, что в свое время совершило христианство, объявив свою собственную «истину в последней инстанции» и закрыв возможность движения и обогащения человеческого самосознания; а чем всё это заканчивается, хорошо известно: уклоны, ереси, ревизии, резкая критика, попытки усовершенствования и развития, а затем неизбежные отвержения, крахи, приговоры, ну и идейно-идеологические реформации и сокрушительные революции.

В-десятых, большевистско-сталинский режим исходил из вполне обоснованной европейской гуманистической-де наукой и еще более гуманистическим антиевропейским марксизмом «одинаковости» человека зёмного, лишь исторически временно и по архаическому недоразумению разделенного расово, этнически, культурно, религиозно, цивилизационно, психологически, поведенчески и т. д., что будущее за человеком «одинаковым» и что как раз и должен был сотворить передовой «коммунистический

разум»; говорить об абсурдности сего утверждения сейчас не приходится, хотя попытка сделать из всех насельников СССР «единобраза» в виде некоего «советского человека» таки была; но главный просчет был в другом — в непонимании и роковой недооценки «гуманистическим режимом» генетических и архетипических оснований, черт и мотивов бытия не только разных этносов, народов и племен, весьма религиозно, культурно, а не только кровно, отличных друг от друга, но и у разных сообществ, страт и даже групп населения, относившихся к одному и тому же этносу, к одной и той же языковой, культурной и религиозной данности, не говоря уже об индивидах, субъектах, личностях, вовсе не стремившихся к никакому штучному единообразию, да и не могших ничего такого достичь (разве лишь будущая тотальная чипизация сможет решить сию просвещенческую задачу); никакой единообразной «хомокаши» не было и быть не могло, что всегда давало о себе знать и реально подтвердилось во всей своей красе в ударное для режима эсхатологическое время; «братские народы» остались прежде всего самими по себе *народами*, а «великое содружество братских народов» мгновенно разлетелось вдребезги при первой же для сего деяния возможности.

В-одиннадцатых, был или не был реальный сталинизм со своим нереальным СССР явной угрозой для Запада, но Запад воспринял сталинизм с СССР как великую для себя угрозу, тем более, что было всё еще живо и активно действовало, даже усиливаясь, «международное коммунистическое движение», заменившее собой ставшее одиозным и весьма уже оскандалившееся «мировое революционное движение»; Запад пошел на вполне сакральную для себя войну с СССР, принявшую в итоге и в целом характер «холодной войны», хотя и не избежавшей локальных вспышек и «горячих войн»; так или иначе, но у СССР со сталинизмом обозначился мощный последовательный и вовсе не скры-

тый «сакральный враг» — *Запад*, целью которого было не что-нибудь, а уничтожение СССР вкупе со всем мировым «красным проектом», во главе которого как раз и оказался победивший в Великой мировой войне сталинский СССР.

Перечень сопутствующих нашему размышлению моментов и соображений можно было бы продолжить, но главное, пожалуй, уже сказано, а потому пора, видно, и кое-что заключить.

Первое. Случившаяся в России в 1917 г. революция была не так собственно революцией, как *выворотом страны из самой себя*, к чему убедительно утверждающими сигналами послужили отречение царя Николая II от престола и отказ его брата Михаила стать новым российским царем Михаилом II; романовская (и при этом «*немецкая*») Российская империя канула в один роковой миг в Лету; взятие власти Временным правительством, по итогам Февральской революции ради несамодержавного, демократического и европоподобного бытия России, а затем захват власти «левым революционным элементом» во главе с большевиками-интернационалистами ради уже евросоциалистического (или даже миросоциалистического) пути России в неведомое в практическом плане «социалистическое» — то ли свое, то ли мировое — будущее; победила же вследствие внезапного николаево-михайловского выворота невероятнейшая для любого мало-мальски здравого смысла «революционная авантюра», немислимая даже для Великой французской революции, не то что для Английской; беспечный и безнадежный авантюризм сей революции состоял в отрицании российской и вообще любой самобытности и в предпочтении ею освобожденного от эксплуатации «пролетариата» и негосударственной-де «народной власти», опять же по преимуществу «пролетарской»; тут работал даже не жалкий утопизм, а вполне себе эффективное... *безумие*.

Второе. Последовавшая за *такой* эффективно-безумной революцией кровопролитная гражданская война выручила сию революцию, причем не столько сохранением и упорядочением «красной власти», сколько отстранением, пусть еще и не полным, европроектного социального утопизма и ослаблением архиреволюционного политического безумства; поэкспериментировав более или менее разумно (то бишь и «контрреволюционно!»), красная власть, опасаясь полного возврата к «прежней стране», пусть и без православного царя и византийского самодержавия, поборовшись всласть внутри себя (вплоть до физического устранения противников и несогласных, включая и самого красного вождя — Ленина), вышла на антиутопический и вполне рациональный вариант движения страны в ближайшее будущее — *красный тотальный этатизм*, ставший как раз и в итоге своего становления не чем иным, как *сталинизмом*; последний возымел в реальности некое кентаврическое воплощение, состоя из господствовавшей в стране авторитарной, наднациональной, «советско-социалистической», вовсе и не пролетарской, и не народной, управленческой части (надстройки) и подчиненной ей, если ею не задавленной, самобытно-русской, живой, рудо-творческой, несущей, тягловой, как раз народной, а долею и пролетарской, части (базиса), а обе части составляли в целом не что иное, как параармейскую византийско-ордынскую социоконструкцию; показав жертвообильные чудеса по коренному физисо-хозяйственному перестроению страны, вполне и молниеподобному, а также одержав Великую победу в Великой мировой войне и выведя страну в разряд великих мировых держав, новый строй, заслужив немалое признание в стране и за рубежом, обеспечил, одерживая разные локальные победы, четвертьвековое процветание страны и возвышавшуюся день от дня содержательно и материально жизнь всего в целом лояльного к режиму трудящегося населения; а вот

эффективно продолжить себя в 1970—1980 гг. сей сталинский после Сталина строй уже не смог, впад в тяжкий, неодолимый, апокалиптической кризис, из которого не вышел и в пучине которого вполне благоговейно (без бурной революции и жестокой гражданской войны) исчез.

Как в 1917 г. Николай и Михаил Романовы отреклись от Российской империи (не только от престола, что само собой, а именно от... империи, государства, страны, России, хотя об *этом* они и не помышляли), так и Михаил Горбачев с Борисом Ельциным со товарищи отреклись в роковом 1991 г. от позднего, уже и предельно кризисного, сталинизма и от впадавшего в разорную кому СССР, но... Sic!.. отреклись вполне сознательно, немало и поучаствовав в подготовке сего совершенно предательского действия: тут уж Михаил с Борисом вовсе не заблудшие и растерянные, словно агнцы, Николай с Михаилом, — и хоть Михаил с Борисом вовсе и не волки, а так... э-э... лучше уж пусть история с ними разбирается, натужно прославляя и жестко проклиная, ставя им памятники или же вычеркивая из родной истории их имена (а ведь и к лику святых будут непременно причислены — «спасители де отечества», не так ли?).

Третье. Кажется, что СССР проиграл Западу в «холодной войне», хотя, скорее, не проиграл, а... уступил Западу, немало и предательски («добровольно»-де) ему сдавшись, хотя и, слава богу, не до конца; СССР истончился и рухнул, разбившись прямо по швам «союза братских республик», вдруг ставших «независимыми государствами» (а то вдруг кто-нибудь посчитал бы их всё еще вполне зависимыми хотя бы от той же непотопляемой России; а уж какие они все, кроме сегодняшней России, «независимые», пусть каждый «гражданин мира» сам для себя и решает); да, Запад приложил немало усилий для кризиса, распада и поражения СССР вместе с его соцлагерем, но надо хорошо понимать,

что СССР рухнул... нет, не так вовсе *сам*, хотя это тоже есть, как *от своих*, ему отважно и добросовестно изменивших, разумеется, под сенью бывшей вроде бы остро необходимой ПЕРЕСТРОЙКИ; можно было или нельзя было избежать краха СССР с засидевшимся в нем сталинизмом — вопрос на сегодня риторический, хотя можно было, видимо, сохранить великую страну при условии ее крутого реформирования сразу же после избавления страны от разноликого и взбалмошного Хрущева, всерьез и надолго повернувшись к исконному метафизису России, как уже нельзя было, надо полагать, сохранить великую страну в момент ее глубокого системного кризиса 1980-х гг., так и не дождавшуюся своего великого реформатора (может, и того же Андропова).

Четвертое. Не революция вовсе, как это было в 1917 г., учудила развал страны в 1991 г., а развал страны в 1991 г. учудил в 1990-е гг. революцию, но вот какую же? О-о, исключительную, не поддающуюся никаким привычным квалификациям. Как тут не вспомнить о тютчевской проникновенной печати: «Умом Россию не понять...». И в самом деле не понять, ничего не понять в свершившейся в 1990-е гг. революции, совершенно внешне и не революционной, а так, тихой, почти что и вкрадчивой, этакой *крипто*-революции — скрытой, обманной, лицемерной, лживой, а вообще-то *сверх*-криминальной, когда «*сверх*» означает не что иное, как «выше» или «вне» любых, даже и криминальных, принципов, не то чтобы *аморальной*, а попросту *без-моральной*, вполне и *антимировской*, так сказать — *преисподненской*! Откуда же эта преисподняя вдруг взялась, да еще и воссевшая прямо в верхах — беспринципная, деятельная, изобретательная? Разумеется, прямо из бытия, которое оказалось на виду не то что сложнее, чем казалось обыкновенному, даже и образованному по-марксистски люду, а совершенно и *другим* — как раз антимировским, преисподненным, выворотным. Просто всё это «новень-

кое» давно уже было под спудом, жалось по уголкам, отсиживалось в тени, но вдруг выскочило не без горбачево-ельцинских усилий на свет божий, на житейскую арену, еще и круто наверх, возвысившись надо всем «ублюдочно-порядочным миром», подлежавшим тлению, распаду и аннулированию. А ежели учесть еще и благонамеренную поддержку зарубежного инферналя, давно уже правившего свой бесовский бал в «передовом цивилизованном мире» — тогдашнем-де «победителе» в «холодной войне», то вряд ли останется какое-нибудь сомнение в квалифицировании российской революции 1990-х гг. как *Великой инфернальной революции*, каковой, надо полагать, в столь чистом, незамутненном, прямо-таки бриллиантовском виде в мире еще не было — сверху, нагло, криминально, незаконно, скрытно, в открытую, прихватнически, разделочно, палачески, ну а об антигуманности тут и говорить нечего, как и о той же моральности, которых даже и не замечали, ибо не до них тогда было.

Интересненькая вышла в оставшейся от СССР России революция, не правда ли? А все почему? Во-первых, никакой воистину действенной самой по себе партии, как и устойчивого самого по себе государства, в позднем СССР уже не было, и быть не могло: искусственный сталинский тоталитаризм заложил в безвождистские партию и государство имманентные им бесцельность, нерешительность и анемию, что и сказалось на роковом рубеже 1980—1990-х гг.; во-вторых, никакого самостоятельного, а тем более внутренне сплоченного, социума из «советского люда» не получилось, и получиться не могло (неважно тогда управлявшаяся населенческая масса — не социум); в-третьих, никакие трудящиеся никакими собственниками предприятий, орудий и средств производства себя не чувствовали, не виделись таковыми и по сути ими не были («всенародная собственность» — блеф, а государственная — реальность, правда, уже и у ирреального государства); в-четвертых, почему же было шустрым инферналиям не провести *своей* революции,

ежели всё святое и прибыльное в их жадные потливые руки само бежало, — вот и провели, проведя всех вокруг их честных трудящихся носов!

Пятое. Буржуазная то была революция, она же по этому разряду и *контр*-революция (антикоммунистическая, антисталинская и т. д.). Глобалическая, естественно, а потому и колониально-компрадорская, оккупационная, захватническая, предательская. В общем — *дрянная! Великая буржуазная, но очень уж дрянная, революция!* Наяву показавшая, что есть на самом деле человек, *кто* на самом деле управляет человеческим бытием, как, пардон, и *кто* на самом деле творит историю. Ах, товарищ Сталин, товарищ Сталин, многое ты понимал и много ты сделал, как и кое-что роковое для себя и своего дела явно предчувствовал, но вряд ли настолько уж обыденное, пошлое, подлое и... *жалкое*. Да, inferнальная энтропия — это вовсе не шутки, как и inferнальная негэнтропия тоже. И что всего интереснее: Сталин со своим сталинизмом как раз и подготовил, взяв на себя исполинскую и жуткую по манере исполнения историческую миссию, не что иное, как пришествие в Россию inferнального капитала, осуществив для этого так называемое «первоначальное накопление капитала» посредством создания индустриальной материально-технической базы и переворошенного под нее закабаленного «народным государством» трудящегося населения, но еще и оставив обескровленные деспотизмом и надолго напуганные репрессиями, вполне и обезличенные партию, госаппарат и, конечно же, аморфное бесклассовое население. А еще интереснее то, что у истоков сего неожиданного выворочного происшествия 1990-х стояла... э-э... российская-де революция 1917 г., покончившая с исторической Россией и навязавшая ее историческому лону внеисторического оборотня в виде совершенно утопическо-

го по идее, но весьма на короткий срок слепо и неразборчиво эффективного, даже и победного, «большевистско-сталинского коммунизма». Забавно как-то выходит, не правда ли... если б... если б не страшные жертвы одних — очень многих — и не отборный гешефт других — как раз очень немногих. Вот вам и социализм, и советизм, и сталинизм, ну и марксизм-ленинизм в придачу — всё, кстати, почему-то весьма и весьма *антироссийское!*

Шестое. Вот и пришел на территорию России в славные своим *бес-славием* 1990-е гг. давно ожидавшийся... *хам*, он же и человек-*оборотень*, он же и *нелюдь*, он же и *зверь*. Странно, невозможно, но ведь факт! И из оставшихся после «коммуны» русских тоже. Выворот на то и выворот, чтобы всей темной изнанкой прямо наверх, на лицо, на свет божий. И то ли бездна вдруг объяла остаточную Россию, то ли оставшаяся Россия внезапно ухнула с размаху в бездну! Иначе ведь и не скажешь о «лихих девяностых»: страна была отправлена во *вне-историческую* кому и отдана на *бес-подобное* разграбление. Раздел, раздача, захват, грабеж — со стороны бойкого меньшинства, как и прозябание, выживание, удержание на плаву — на стороне «инертного»-де большинства. В итоге же явилась некая *антистрана* по имени Российская Федерация, управлявшаяся прямыми назначенцами из-за океана и оттуда, из-за океана же — контролируемая. Обильные ресурсы и бытовая стойкость населения спасли от окончательной гибели отреформированную жестко, презренно и алчно страну, она каким-то чудом удержалась и не исчезла с карты мира, может, и не без субъективной сопротивленческой воли, а скорее всего — как раз именно с нею, то ли не исчезнувшей вместе с СССР, то ли вдруг конспиративно воспрявшей прямо ниоткуда (из глубины, так сказать).

И в «победившем» глобализме, нужно особо заметить, не очень-то хотели развала и исчезновения России — ручная Россия была всего приемлемее для заокеанских архитекторов «нового мира». Да, страна, ставшая в одночасье антистраной с весьма уже и антигражданским населением, не говоря о бесовских полчищах ловких и жадных объедателей вдруг распластавшегося на всю Евразию роскошного в плане дармового богатства и его присвоения полутрупа, эта самая, вдруг неожиданно-негаданно обезумевшая, обобранная, обглоданная и оскорбленная страна не просто осталась на месте, но и нашла в себе силы... продолжиться, даже и *быть*, борясь по возможности за себя, свое «Я», свою целостность. Тоже ведь странно и невероятно, но тоже ведь факт! Ядерный потенциал, конечно, сказался, но мог и не сказаться: дело-то шло по самому краю, к полной потере суверенитета, к исчезновению.

Революция сия хоть и прошла без большого потрясения вроде гражданской войны, но свои кое-какие борческие судороги тоже имела. Сначала выступление ГКЧП в 1991 г., бывшее как бы предреволюционным, напомнившее частично заговор генералов против царя в 1917 г., а частично так называемый «корниловский мятеж» в том же революционном году (запоздалая и неудачная реакция всё тех же генералов на свершившуюся по их же вине Революцию), а затем в те же 1990-е гг. мятежное выступление Верховного совета 1993 г., чем-то походившее на эсеровский мятеж 1918 г., хотя и совсем не похожее на Кронштадтский мятеж и то же Тамбовское восстание первых 1920-х гг. (в 1990-е обошлось, слава богу, без сих подобий, сказались все-таки анемия, пассивность, даже и безразличие населения к происходившим по инициативе верха «преобразованиям», как и, разумеется, массовая надежда на новое лучшее — после измотавшего донельзя народный дух «советско-социалистического гуманизма»).

Седьмое. Революция 1990-х, бывшая вроде бы антисоветско-социалистической, то бишь явной контрреволюцией относительно Революции 1917 г., большевизма, сталинизма и вообще коммунизма, оказалась по идейной закваске своей очень и

очень... *руссофобской*: атака на русскость была мощной, продуманной, упорной, питаемой не только господско-колониаторской неприязнью к коренной самобытности страны, но и вассальной приязнью к «победившему»-де в мире глобализму. Любопытно, что руссофобская кампания была раскручена при вполне лояльном отношении революционной власти к православию и церкви, даже их поощрении. Русскость защищалась инстинктивно через естественное бытование русского мира, вовсе не собиравшегося отказываться от своей архегенотипичности, как и, уже вполне осознанно, через персональную, групповую, коллективную борьбу, скажем так, тогда поднявших голову и голос русофильских сил, пусть и не многих, но зато убежденных в своей правоте и экзистенциально стойких. Как видим, снова в стране случилось столкновение России и анти-России, причем России явно придавленной и ослабленной, да еще и вывернутой наизнанку, и властной, торжествующей, чуть ли не победоносной, анти-России, охотно и радостно вдохновлявшейся и поддерживавшейся из дальнего и близкого руссофобского зарубежья.

Восьмое. Всякая революция рано или поздно выдыхается и затихает, а через каких-нибудь полтора десятка лет, когда в реалиях утверждается что-то за революцией последовавшее, вовсе не такое уж по сути и революционное, о прошедшей революции как о покойнике, либо ничего, либо вовсе не то, что было там на самом деле. Лет так через семь в революционной стране непременно происходит что-то уже не совсем революционное, если совсем не революционное, как правило, наступает смена власти, точнее, замена «пламенных революционеров» на «умеренных реформаторов», а еще через семилетку, когда ситуация в стране системно стабилизируется, ее обозревателей обычно потрясает либо не совсем полное соответствие сложившейся ситуации идеалам революции, либо такое соответствие, когда хочется задаться вопро-

сом: «А какими же они были, эти самые идеалы у революции?». И российская революция 1990-х не избежала сей неумолимой революционной судьбы: сначала смена революционного верха (1999 г.), а затем и... вот тут-то и возникает куча вопросов, на которые либо нет вообще ответов, либо эти ответы явно преждевременны, либо они очень и очень нежелательны. Текущая ведь вокруг современность, что тут скажешь, не впав в заведомые искажения, фантазии или ошибки?!

Девятое. Однако же... придется... все-таки придется кое-что сказать, разумеется, не вполне достоверное, весьма кажущееся, немало и мифоподобное. Несмотря на хорошо известное «пожирание революциями своих сынов», чего не миновали и славно-бесславные «девяностники», многие из вполне корыстных «революционеров» не только уцелели, но и оказались вполне себе успешными бенефициарами революции, пусть и частично отстраненными впоследствии от «великих деяний», но зато с немалым личным, если и не несметным, но весьма себе богатством, дающим небывалые потребительские возможности, а некоторые из бенефициаров не только остались на плаву и у руля, но и всю ныне процветают, правда, уже не как «революционеры» или же «субреволюционеры», а как деятели *новой* — *уже не мало постреволюционной* — *России*, разумеется, наряду с примкнувшими к этой «новой России» новыми попутчиками (тоже, конечно, заметными бенефициарами). В результате семилетки революции и семилетки постреволюционной стабилизации (не без известного передела собственности, богатств и каналов бойкого накопления) в стране возник весьма обширный *владельческий* класс, но не просто частных собственников, капиталистов, финансовых воротил, разумеется, с олигархическим внутриклассовым наверхием, а класс, знаете ли, действительных *хозяев* страны, ее бытия, ее текущей истории, подкрепленный разветвленным законодатель-

но-административным каркасом, включая и его «силовую» составляющую; обслуживаемый бесстрастной, но весьма зато ловкой и ловчей менеджеральной сетью, ныне вполне уже оцифрованной; обильно сдабриваемый медиамаскультурным (более все-таки *анти*-культурным) приворотным зельем.

Тут возник не так собственно капитализм, не как таковой феодализм и даже не тот же псевдосталинский этатизм, как весьма гибкий, вуальный, вполне и лицедейный... э-э... даже не строй и не порядок, а некий, скажем так, *способ бытия*, который можно определить как *произвольный финансово-административно-информационный деспотизм*, вполне уже *постмодерновый*, включенный, конечно же, в *глобальный финансово-менеджерально-стратегический*, *тоже вполне себе произвольный, деспотизм*, как раз тот самый — *заокеанский*. Наверху, стало быть, образовался и сидит, перемешиваясь внутри себя, новый владельно-хозяйский класс, пусть и зависимый от глобального всемирного хозяина; в серединке социосреды — необходимая для любого способа бытия бодрая профессиональная обслуга; ну а внизу — масса всякого невзрачного люда, вовсе не только пролетарского, совсем и не беднейшего, совершенно и не маргинального, как и не только гастарбайтеровского, а вполне себе образованного, профессионального, умелого, работоспособного, даже и ученого, и творческого, но, увы, не столь по жизни удачливого, вовсе не бенефициарного, экзистенциально отставшего и для страны как бы остаточного-осадочного.

Именно таковым (или примерно таковым) предстало к середине 2010-х гг. и до сих пор остается пореформенное устройство уцелевшей от разгромной, бесцеремонной и крайне присвоительной революции Россия — *новая*, так сказать, *Россия*. И все было бы ничего, а то даже и хорошо, если бы... не... *металогическая подоснова* бытия, истории, самой человеческой экзистенции страны под кодовым именем «РОССИЯ», которую... э-эх... ни умом не понять, ни аршином общим не измерить, в которую

можно-де лишь верить и верить, а веруя... усердно и тщетно проклиная да проклиная за дрящееся и дрящееся свое существование!

Десятое. Тут-то является и самое интересное — *поразительно интересное* (!), ибо взбрыкнула вдруг пореформенная и постреформенная Россия, да и проделала сие взбрыкивание по инициативе и под руководством совершенно вроде бы обенефицированного и вполне как будто бы довольного итогами революции и реформы верха. Нет, конечно, то не была собственно контрреволюция, как и не была никакая-то там контрреформа, а случился вдруг странный, невероятный, невозможный разворот к... *державной России*, вполне и *суверенной*. Ни с того, ни с сего! Чего не могло и не должно было быть вообще никогда и ни под каким видом... вдруг случилось. *Произошло!* Ах, как же ее понять, эту Россию, как ее нормировочно измерить, да и как в нее хотя бы на мгновение поверить?! И как же не проклясть ее, в который уже раз?! «Тока-тока» что-то в России наладилось, примкнула она было к «цивилизованному миру» и на тебе — новый безумный взбрык! Едва поднявшаяся с колен, Россия немедленно возжелала возврата уснувшего было летаргическим сном, если уже не впавшего в небытие, *великодержавия!* Вот тебе и «добровольное» вхождение в цивилизованный глобализм, вот тебе и «охотная» вестернизация («западнизация») страны, вот тебе и «компрадорский бизнес», вот тебе и энергосырьевая полуколония западного мира! Явно всё началось с этой «недопустимой» в «приличном международном сообществе» мюнхенской речи российского главковерха — совершенно и «несносной», а окончательно стало ясным по итогам «аннексии» русского-де Крыма и поддержки пророссийского-де Донбасса, чего цивилизованный мир никогда-де не простит России, хотя сам же с новой «прохладной войной» двинулся на Россию еще до всей этой «крым-

ско-донбасской авантюры», вполне уже убедившись в непокорности и даже опасности для себя еще только поднимавшейся «новой России».

Одиннадцатое. Да, вроде бы мало что изменилось в России как России, начиная, условно говоря, с 2005 г., как раз ставшего аналогом 1929 г. — года, как известно, Великого сталинского перелома, но, согласимся... изменилось же, во всяком случае явно этак с 2012 г., то бишь еще через семь лет, а что же конкретно изменилось-то? — а-а!.. — армия, оборонка, кое-какая инфраструктура, новая Арктика, а затем и высокая технологика, кое-какая неопромышленность, приподнявшееся сельское хозяйство, немалое строительство, в общем — подтянулась какой-то своей частью страна, зашевелилась, пошла на подъем, оставив позади ужасный «переходный период» — кризисный, бездний, апокалиптический, вовсе при этом не процветая, но ведь уже лихорадочно и безнадежно не выживая, хотя и не без кое-какой дарованной ей «милости» алчного Запада. В самом по себе некотором укреплении и даже подъеме страны вроде бы нет ничего особенного, хотя, конечно, как на это посмотреть, но вот во *взбрыке* ее... э-э... было и есть что-то не просто экстраординарное, а совершенно, знаете ли, несусветное, чем, кстати, все и объясняется, ежели вспомнить о загадочной тютчевской характеристике России — как раз страны вполне и... *несусветной!* Так что ж случилось со страной аккурат к юбилейному 2017 г.? — уж не тихая ли, как и не броская... *криптореволюция*: бац — и в дамки! — причем мало что в великодержавные, но еще и прямо в центр системно меняющегося планетарного мира?! Нет, вовсе не в качестве какого-то там мирового лидера, но зато уж в роли чуть ли не главного пособителя стремительно происходящих уже не в пользу США и Запада тектонических перемен, а-а?

Двенадцатое. Жадная до ненасытного присвоения частных богатств, вполне для страны разрушительная, но экзистенциально все-таки весьма простодушная, внезапная преисподненская антицивилизация 1990-х, выскочившая с черного исторического хода как бы на смену жесткой и вроде бы правильной, хоть и быстро одряхлевшей и бездарно себя проигравшей сталинской цивилизации, не была предназначена для чего-то конструктивного в социокультурном плане, а потому увлеченная тотальным эгоистическим грабежом, не препятствовала, несмотря на мощную русофобскую кампанию, неожиданному подъему сначала весьма глухого, почти и не заметного, а затем все более и более зычного голоса Руси Великой — прямо из нави, из подземья, из глубины, чуть ли не со дна сакрального озера Светлояра, от колоколов сказочного града Китежа. В общем, в разорные, погибельные, дикие 1990-е гг., вполне и антирусские, ознаменованные притеснениями и гонениями русских на территориях бывших «союзных республик» и злыми поношениями от незабвенных «братских народов», когда само бытие русскости было поставлено не то что под сомнение, а и на край исчезновения, остаточная Русь-Россия вдруг заявила о себе, пусть поначалу не слишком решительно и убедительно, но зато потом, особенно с предкавказской русофобской войной, все более и более впечатляюще. Но дело этим не ограничилось: с радикальной, почти что, как оказалось, и революционной переменой в Кремле прямо на рубеже столетий, призрак Руси-России вдруг стал шаг за шагом превращаться в реальность, а по прошествии всего-то нескольких лет в реальность не только в образную, вообразительную, идейную, но и, в особенности в связи с украинскими, тоже, увы, русофобскими, событиями, мало что в политическую, но и в *державную* реальность: новая пореформенная и постреволюционная Россия в один миг обратилась в *Новую Россию*, — и российская, а не какая-нибудь еще, суть ее

была убедительно негативистски подтверждена вдруг вспыхнувшей воинственным ядовитым огнем западной — идейной, политической и стратегической — русофобией. Уж лучше бы Россия оставалась советско-социалистической, чем вдруг оказалась... *российской*, причем, заметим особо, не православной вовсе, что было бы понятно, а именно *российской*. Одним махом Россия сломала все возможные на сегодня *не-российские* форм-скорлупки, как раз те самые, которые явно бы устроили всех ее «доброжелательных» противников — что внешних, что внутренних, — и восстала Россия практически из небытия... *самою собою*, пусть еще и не полномерной, далеко не совершенной, даже и весьма уродливой, но ведь восстала... и восстала как раз... РОССИЕЙ! Заметим, что ничего другого, кроме *самой себя*, у России нет и быть не может — из коренного, основательного, жизнеутверждающего, спасительного, наконец, что и доказывает вполне убедительно вся история России, всех ее «вывертов» с «выворачиваниями», точнее говоря — ее полная тайны крошечной *метаистория*, которая хоть и с фактами, но и вне их, как раз там, где факты бессильны перед скрытыми ходами и переходами бытия, как раз и творящими в основе видимую-де историю.

* * *

РОССИЯ — это, конечно, страна (сторона), земля (территория), народ (население), еще и государство, цивилизация, культура, включая язык (слово), это и социум (общество), и хозяйство (жизнеотправление), и способ бытия (экзистенция), но Россия — это и некая *метафизическая субстанция*, она же эгрегор, матрица, семя, концепция, идея, мысль, когнитив, смысл, замысел, шифр, код, в общем — то самое трансцендентное *Ничто*, которое при этом и *Нечто*, что заложено изначально в Россию или же с ней вместе зародилось, откуда *всё* исходит и куда *всё*

возвращается, обогащая, отягощая и даже напрягая сей сакральный источник, не прекращающий свое бескорыстное служение России, над нею и стойкое начальствование, что как раз и засвидетельствовано нынешним, уже XXI века, самовоспроизведением России, ее после веков пленения, мытарств и погибельных завихрений неожиданного, умом не предусмотренного и только верой чаемого *возрождения*.

Есть она, есть — *истина России*, пусть и не слишком известная, не очень понятная, совсем и не признанная, ибо *неотмирна* она, эта истина, как и *неотмирна* сама по себе Россия, которая ведь не страна, не государство, не та же нация, а... бог знает что — что-то и впрямь неопределенное, невыраженное, невысказанное, в общем — не ясное, как раз то самое, что ни разумом не высветить, ни мерой общелогической не выверить, ни в мировую матрицу не вогнать — вроде редкого элемента в менделеевской таблице.

Вместо окончательного крушения и исчезновения с лица Земли в бездной ситуации 1990-х Россия, едва пережившая свалившийся на нее с 1917 г. «советско-социалистический», он же и бесподобный государственно-партийный, гнет, совершенно вроде бы конченная и чуть ли не добитая, мало того, что выжила, так она еще и воспряла — вопреки всему ей противоположному — благодаря как раз своей архегенотипной неисчерпанности, явно ей послужившей и в который раз ее выручившей.

Слова, нам скажут едкие антироссисты, всего лишь слова, а мы ответим — может, и слова, но ведь и дела тоже, наличие которых убедительно подтверждается не так даже выплеском самой России, как всплеском небывало развязной и злостной, вовсе никак и не скрываемой, международной русофобии, да что русофобии — ведением настоящей антироссийской войны, пока еще «хладно-гибридной», а там, глядишь, и с новым на Россию горя-

чим «дрангом». Ежели Украина в мгновение ока превратилась в русофобское гнездовище, то что говорить о восседающих на мировом господском престоле исконных «доброжелателях» России, очень рискующих сей благоносный престол потерять — всего лишь из-за явления на планете сильной, суверенной и... *иномирной*... России.

* * *

Вернемся теперь к Российской революции 1917 г., отмечающей в 2017 г. свой столетний юбилей, да и поразмышляем над историческим значением сего грандиозного по последствиям необыкновенного события — что для России, что для всей планеты, что для всего люда земного.

Россия сама по себе не очень-то шла на сию революцию, но зато она была *обречена*, как изнутри, так и извне, на сию революцию, точнее, на *революцию вообще — любую!* — лишь бы антироссийскую и антивсемирную, но, застигнутая революцией, а лучше сказать — сначала не самыми сильными псевдореволюционными февральско-октябрьскими завихрениями, немедленно впрочем обернувшимися безудержным ультрареволюционным вихрем, точнее — *бурей*, в которой вдруг сошлись разные по истокам, мотивам и намерениям переделочные и попросту разрушительные ветры, включая и чисто анархические, Россия, уже сойдясь или сцепившись с революцией, уже и *мировой*, стала местом внезапного борческого схода всех, почти всех или же многих, обычно скрытых *демонических* сил, преследовавших любые цели, кроме одной — выживания, укрепления и процветания России.

Революция вдруг в России *стряслась*, а Россия внезапно на революцию... *попалась*, хотя у России были серьезные мотивы для перестроения, преобразования и преображения, скорее всего,

на реформном, а не революционном пути, но раз уж выпала не без пособительного участия самой царской власти именно революция, то, захваченная не слишком внятным для нее событием, Россия влезла-таки всем своим телом и духом в спровоцированный в общем-то дурацким отреченческим событием («Умом Россию не понять...») во вполне апокалиптический, вовсе и не только российский, поток, и, уже став «революционной», то бишь бунташной, по полной отыграла свою многоголосую ревпартию.

Драка на просторах России разразилась тогда крутая: Россия дралась с анти-Россией; мир с антимиром; цивилизация с антицивилизацией; культура с антикультурой; человек против зверя, как и зверь со зверем; угнетенные против угнетения и с угнетателями; элиты с альтерэлитами; контрреволюционеры с революционерами, как и одни революционеры с другими революционерами; бандиты с населением, как и одни бандиты с другими бандитами; обыденное против сакрального; гуманизм против дегуманизации; материализм против идеализма; наука против метафизики; дьявол против Бога.

Вот Вам, господа, и Российская революция, а то и по некоторым оценкам — *русская!*

Да, это была очередная историческая конвульсия великого славяно-евразийского феномена — России, но это была и конвульсия всего мира — как прежде всего развитого и передового вроде Европы с США, так и следом за ним неразвитого-де и де отставшего вроде Азии, Латинской Америки, Африки. *Всего мира!* Разумеется, с опережающим подстрекательством Западного мира — импероколониального, очень и очень экономического, индустриального, экспансионистского, уже и постренессансного, ведущего большие — мирового размаха — войны. Заметим, что Российская революция оказалась очень как-то вдруг подошедшей к мировойновскому процессу, затеянному Европой, США и Япо-

нией, как и вообще к раскручивавшемуся тогда общему кризису Западного мира.

Российская революция 1917 г. — мирообусловленная, западогенная и востокострачная революция, а потому и воистину *мировая революция!*

В сей запредельной революции сошлось всполошенно очень и очень многое — как российское (плохое, хорошее и никакое тож), так и нероссийское (враждебное, «дружественное», сочувственное, бесчувственное, склизкое, шершавое, тернистое, умное, безумное, прямое, кривое, дельное, бестолковое, доброе, злое, красивое, безобразное, порядочное, романтическое, утопическое, правильное, ложное, подлое, в общем — все, чем богат и беден был тогдашний человеческий, а может, и *бес-человеческий* мир — обесмысленный, взбаламученный, экзальтированный, растерянный, вздорный, бунташный, порочный, больной, криминальный, патетический, апокалиптический, погибельный, безданный — и только приняв во внимание это экстерриториальное схождение в общем фокальном кошмаре всего российского и всего нероссийского, странового и мирового, национального и общечеловеческого, можно хоть как-то понять то, чем в действительности стала российско-нероссийская Революция 1917 г., чему на самом деле она послужила и какие возымела от себя исторические хвосты.

У сей революции нет не то что простого и внятного, но и мало-мальски удовлетворительного рационального объяснения, ибо она — сия революция — совершенно иррациональная, как раз настолько, насколько иррациональной была тогда общая историческая ситуация — что российская, что мировая.

Россия попросту *попалась*, может, даже из-за своей корневой *неотмирности*, не будучи целиком и по сути ни Европой, ни

Азией, а будучи тому и другому пусть и не очень ясной, но... *альтернативой*, неким ее — этой альтернативы — прообразом.

Давно ведь попалась Россия на РЕВОЛЮЦИЮ, на ее наживки, аж со времени декабристов, но вот и ухнула с головой в РЕВОЛЮЦИЮ, которая нечто вроде подземного плазменного озера или занебесного газового облачка — вполне и невидимых, обычно мало чувствуемых, но зато временами очень и очень демонстративных, ибо оттуда лишь «жесть» сплошная, насилие, кровь, всеобщее людское смятение и гиблое элитарное помешательство, бесчисленные жертвы, мало имеющие отношение к собственно революции. РЕВОЛЮЦИЯ — *метафизическая субстанция*, взрывающая, когда приходит момент-случай, не один лишь эфирный метафизис, но и крепчайший физис тоже, как раз самый что ни на есть человеческий.

Что касается Нового времени, вполне по сути и европейского, то оно сплошь революционно: РЕВОЛЮЦИЯ для него — верный атрибут, позволивший Европе стать ЕВРОПОЙ — госпожой мира, продолжавшей свое доминационное движение, устраивая как в своей европейской среде, так и по всему миру войно-революционные разборки.

Россия — не только бескрайняя лакомая «поляна» для жадного европейского могущества, это еще и невидимая и ненавидимая Европой... *преграда*, причем преграда по бытийному смыслу своему альтернативная, стоящая скалой на пути империального европеизма (а теперь вот и евроамериканского глобализма).

Карл XII, Бонапарт, османь, крымские англо-французы, японцы — все они ничего не смогли сделать с Россией: последняя, переживая всякие недуги, встряски и несурязицы, шла-таки вперед, не думая ни сдаваться Европе, ни исчезать из мира. Она даже РЕВОЛЮЦИИ долго сопротивлялась, несмотря на револю-

ционно-герценовские прокламации, негативистские причитания русских-де «писателей», включая и великих (не будем тут по именам), бомбометания бешеных террористов, экзальтированные кружки. Паневропейская, она же и мировая, Война 1914 г., в которую удалось-таки втянуть Россию, не решила задачи ликвидации России, но... о, чудо!.. подготовила-таки сброс России в РЕВОЛЮЦИЮ (заметим, не так российскую, как европейскую). Замутившись немало сама, Россия таки поддалась на подлую провокацию со стороны предостаточно уже взбесившегося планетарного мира, прежде всего, конечно, европейского, и... пошло-поехало!

Первым в России на РЕВОЛЮЦИЮ 1917 г. «клюнул» сам российский самодержец, он же любящий муж и примерный семьянин, по совместительству еще и главнокомандующий огромной армией, человек религиозный, совестливый и мнительный, ни в себе, ни в России, ни в войне, ни в той же революции, никак не бывший уверенным, в общем — этакий генополитический простак; вторым в революционные сети попался недалеко-видный политический фигляр Керенский, которому, правда, хватило ума, интуиции и слабоволия незамедлительно выскользнуть (может, и не по своей инициативе) из завлекательных революционных сетей; третьим стал ничем не выразительный, кроме разве холеричности натуры, рыжегато-лысоватый человек с невыразительным псевдонимом Ленин, который и взял на себя все бремя российской революции, которая, заметим, и не была или не стала собственно революцией, а оказалась более всего очередной российской СМУТОЙ, обильно подбодренной на этот раз, как какой-нибудь огонек в печке, не просто корыстно-враждебной заграницей, а самой что ни на есть великой заграничной смутой — МИРОВОЙ СМУТОЙ!

И вот некий вроде бы русский человек по странному прозванию Ленин, не так породивший сей хаос, как в него с головой погрузившийся и немало его приумноживший, принялся сей хаос преодолевать, причем преодолевать... *революционно* (вот откуда и от чего пошла собственно *революция* — от и из-за воцарившегося в стране хаоса), — и стал Ленин это дело делать, строя (в голове по преимуществу) не так новую Россию и даже не новую на месте России анти-Россию, хотя это тоже имело свое положенное место, как *новую для всего замутившегося и запутавшегося мира-человечества социо-хозяйственную реальность*, вдохновляясь не чьим-то практическим примером, которого, разумеется, не было, а всего лишь своею голой верою в спасительную-де возможность-де осчастливить-де мир-человечество через построение на Земле придуманного европейским беспокойным и в чем-то нелепым «прогрессивным» умом некоего заменителя Царства Божиего — СОЦИАЛИЗМА!

В связи с этой-то попыткой Ленина и его соратников (не без идейных противников и даже личных врагов) смута российская и стала представляться, мало того что *революцией*, но еще и *революцией социалистической*, хотя на деле все было и случилось, конечно же, совсем *иначе*: Ленин вдруг ушел из жизни в самый разгар своего революционного «творения», запертый в оздоровительных-де Горках; затем шаг за шагом ушли «верные ленинцы» (точнее бы сказать, их — «верных ленинцев» — оперативно и старательно «ушли»); потом разнеслись по сторонам и исчезли с глаз долой «мировые перманентные революционеры» — троцкисты; затем настала пора раствориться (или попросту разбежаться) «интернационалистам-коминтерновцам»; а на месте причудливого утопического марксово-ленинского социализма возник непричудливо-реалистический... *сталинизм*, по сути своей никакой не социалистический, хоть и внешне прикрытый

весьма незамысловатой — по-сталински — «социалистической» идейно-лозунговой вуалью.

Выверт России в сторону РЕВОЛЮЦИИ, СМУТЫ, ХАОСА обернулся через некоторое время — в момент уже *выворачивания вывернутого*, то бишь, *обретения нового жизнеотправительного порядка* (или же контрреволюции, антисмуты, антихаоса) — не чем иным, как *армейско-византийско-ордынского образца сталинским тотальным этатизмом*.

Это было апокалиптического разряда жесткое спасение от разыгравшегося миро-российского апокалипсиса, причем свершившееся прямо в гуще сего безумного апокалипсиса, — и *ничто другое!*

Так случилось (вышло) в России и в целом мире действительно кое-что новенькое — *новое гуманитарное устройство человечества* (новый способ бытия, способ хозяйства, способ производства, новая цивилизация, новая формация — что там еще!).

Явление в России и в мире *сталинизма* в конструкции СССР, а затем и международного соцлагеря, можно более или менее адекватно понять, если принять во внимание, во-первых, весь миромасштабный, а не только российский, бытийно-исторический ландшафт, давно уже взбаламученный и переворачиваемый вздыбившейся в невероятных разрушительно-переделочно-созидательных амбициях христианско-антихристианской, ставшей в один прекрасный момент ренессансной, Европой; во-вторых, сонм взаимосвязанных бытийно-исторических деяний, событий и попросту происшествий, в генетической, экзистенциальной и функциональной связке с которыми как раз и возытели место Российская революция 1917 г. и последовавшее за ней воцарение сталинизма в 1930-е гг. с его временным победным самоутверждением и чуть ли не внезап-

ным итоговым самопоражением, а именно, таких бытийно-исторических свершений, как сонм европейских либерально-демократических-де, а по сути-то экономических (буржуазных, капиталистических, «финикийских») революций и, разумеется, диктатур; колониальные европейские захваты, включая и западно-европейский «Натиск на Восток», то бишь на Россию; петровская европеизация России — судорожная, насильственная, непоследовательная, весьма и «топорная», породившая вовсе не дружественное противостояние внутри России не чего-нибудь, а России и Европы, что лишь усилило давнее и обремененное тягой к той же революции противоборство России и анти-России; паневропейская, во мгновение ока ставшая мировой, межимпериалистическая война 1914 — 1918 гг., со втянутой в нее Россией, а войны такого рода — наилучшие катализаторы социально-политических потрясений и тех же революций, после которых идут, если стране повезет остаться в живых, стабилизации, реставрации, обновления, перевороты, никак не исключаящие и появления диктаторских режимов вроде того же сталинского.

Но есть и другого рода факторы-процессы, обусловившие подготовку и свершение нововременских (ренессансных) революций, как и сыгравшие свою судьбоносную роль и в российских революционных событиях 1917 г. и последовавших за ними политико-социально-хозяйственных пертурбациях, завершившихся восшествием кремнистого сталинизма и образованием как бы совсем уж невозможного в реальности (неестественного, фантастического, утопического) СССР, — и прежде всего тут надо указать на рожденную ренессансной Европой *новомировскую идеологию* (сначала более антипапскую, антицерковную, антикатолическую, а затем и внерелигиозную, атеистическую, светскую, вполне уже и антихристианскую — *антихристову*), согласно которой в центр мироздания был помещен человек,

причем человек... *свободный*, предназначенный к строительству *своего* мироздания — гуманного, либерального, демократического, ну и, разумеется, экономического (денежно-капиталоконкурентного), для чего потребовалось создать не просто революционную идеологию всеобщего обновления, но и идеологию РЕВОЛЮЦИИ — как средства достижения ренессансного, а затем и просвещенческого европеизма; сия новоевропейская идеология не могла не привлечь внимания проевропейской части русского интеллектуализма и не быть ею охотно съеденной, разумеется, без добротной способности к идейному пищеварению, потому и не заметив в сей заваренной для внешнего потребления европéще вместе с революционной наживкой — как проевропейской (либерально-экономической), так и антиевропейской (социально-хозяйственной); идеология, о которой речь, не просто учение, концепция или даже программа, хотя это и так, а возможность сильнейшего синкретического воздействия на сознание человека с участием, заметим особо, литературы и искусства, результатом чего и стал *новый человек* — как послушный обыватель (электорат), так и непокорный революционер (вплоть до террориста-смертника); русский интеллектуализм, включая многою литературу и немалое искусство, припоминая опыт проевропейской и антироссийской Великой смуты, восхищаясь столь же проевропейскими и антироссийскими деяниями Петра I и памятуя о как бы коренной русской бунтарности в духе Емельки Пугачева, поставил на необходимую-де России проевропейскую и антироссийскую революцию, выжидая подходящего момента и всячески способствуя его приходу; и вот однажды, аккурат в роковой 1917 г., Россию наконец-то прорвало — заурчала долгожданная смута и «гавкнула» внезапно революция — эта незаконнорожденная дочка своей гулящей по миру интернациональной матушки — РЕВОЛЮЦИИ!

Полуевропеизированное русское сознание вкупе с таким же бессознанием неустанно жаждало революции (пусть и под предлогом обретения свободы и под видом свежих перемен), но ничего иного, как ушедшую-де вперед Европу она для себя не видела, хотя часть радикальных полуевропейцев зачем-то воспламенились идеями антиевропейского социализма (в марксистской главным образом упаковке).

Да, низвержение замшелого царизма и отвержение всей накопленной «гнилой рухляди» в России объяснить как-то можно, хотя глуповато и очень уж расходно все случилось, но что поделать, ежели Россию, как известно, ни понять, ни обобщенно измерить, ни уж тем более образумить. Но как объяснить сначала явление Ленина с его прямо-таки безумной, если не дурацкой, «пролетарской социалистической революцией», а потом и явление Сталина с его вовсе не пролетарской и не социалистической, но зато вполне разумной тотально этатической диктатурой?

Какую еще революцию в тогдашней России мог делать Ленин, кроме той, которую он реально начал делать, ежели Ленин — противник жалкой Европы и ненавистник корневой России? Верно, только не проевропейскую и не пророссийскую! Тогда какую же? Как раз ту самую — *миро-социалистическую*, обоснованную-де лучшими европейскими умами при интеллектуальном лидерстве — уже ставшего культовой звездой РЕВОЛЮЦИИ — *Карла Маркса*! Ленинское заблуждение? Да... но кто тогда, господа, не заблуждался, а-а? Это во время-то устойчивого и, казалось, неразрешимого кризиса Европы, ее общего ЗАКАТА, нововременского АПОКАЛИПСИСА, как и пресловутой истоково-концептуальной порочности исторической России, не способной-де к саморазвитию и процветанию на основе и в рамках ни своей собственной, ни заимствованной у Европы парадигмы. Ленина бросило не просто в революционную неизвест-

ность, а в невозможную в принципе для здравого ума неизвестность: тут было отчаяние не одного Ленина, не одних революционных интеллектуалов, а, знаете ли, всего тогдашнего бытия-истории, вполне и слишком уже... *человеческого!*

Какой же человеческий выход искал революционный Ленин из нечеловеческой ситуации полного краха, невообразимого хаоса, разверзшейся апокалиптики?

Он сделал ставку вслед за Марксом на *трубящихся*, на трудовые, прежде всего *пролетарские*, массы, на тех, кто мог, как ему казалось, не только бунташно отвергнуть все заскорузлое старое — несправедливое, подлое, зверское, но и построить что-то воистину *новое* — справедливое, доброе, человеческое. Ленин приступил к исполнению давно им уже умственно выношенного «красного проекта» — КРАСНОГО ПРОЕКТА! — небывалого, манящего, великого.

А тут, понимаешь ли, всякая рутина, грязь, непонимание и неприятие, сопротивление, разбой и прочая антиреволюционная мерзость, а потому и единственно возможный ответ: насилие, террор, обильное кровопускание, одним словом — *война!* Озабоченный собственным со товарищи выживанием и остаточным здравым рассудком, Ленин догадался пойти на уступки текущей реальности, ослабив революционный террор и допустив так называемый нэп, но... вчистую проиграл и ушел, либо же внезапно ушел и... вчистую проиграл, так и не осуществив весело им в нави задуманного и почему-то в яви не исполнявшегося «красного проекта».

Невдомек было Ленину, а может, и вдомек, да не захотел он признать своего сокрушительного поражения, — и не в войне, которую успешно вели с самим же трудящимся людом, им любвеобильно ненавидимым, а в самой реальной жизни, вполне и человеческой, которой вовсе не нужен был никакой «научно-де»

обоснованный «социалистический проект», — и ушел Ленин, и проиграл — разбитый, больной. чуть ли не сошедший с ума.

Безумную революционную эстафету подхватил Сталин, который понял главное — или квазиармейский тоталитарный госрежим в социалистической упаковке, или всему «красному проекту» вместе с его адептами неизбежный конец. Так что Сталин начал с конца — наметившегося конца «красного проекта», и принялся спасать безнадежную постреволюционную ситуацию посредством отказа от всего утопического (гуманистического-де!) и немедленного перехода ко всему реалистическому — вплоть до кое-какой реставрации проклятого прошлого. Так зародился, а потом был исполнен сталинский «красноармейский» проект, к которому ни собственно «красный», ни буквально «армейский» не имели никакого, кроме бутафорско-метафорического, отношения.

Тут важно учесть влияние на сталинские решения не только тогдашней нервной ситуации в разоренной, полуразрушенной, сбитой с толку стране, не только неприятия реальностью революционных начинаний, не только сопротивления российского, да и не только российского, человечества невероятному для нормального бытия «красному проекту», не только заблаговременного поражения ленинизма с марксизмом в сталинском сознании, но и общей обстановки в мире, прежде всего в Европе, как и в той же Японии, не просто объятой, несмотря на прошедшую мировую войну, неразрешившимся апокалиптическим кризисом, но и чреватой новой большой войной, как и учесть круговую враждебность внешнего мира к новой России, в которой исполнялся-де какой-то явно антицивилизационный-де проект и которая при этом отказалась оплачивать экономические долги своей предшественницы — Российской империи.

Сталин немало заплатил-таки «прогрессивной загранице», вывозя природные богатства, золото и всякие сокровища за кордон, даже привлек ненасытных западных промышленников к своей индустриализации, как и вошел в контакт с антироссийскими партнерами-противниками, играя на противоречиях между ними и их непонимании феномена крипто-Сталина, но «армистрой» свой Сталин все-таки построил, хотя и получил его легитимацию только по победным итогам в новой мировой войне, ставшей для России-СССР и войной отечественной.

При всей своей функциональной реалистичности и даже известной (взрывной) эффективности сталинизм страдал все-таки серьезной и неизлечимой коренной порочностью — *неэкзистенциальностью* (да простит читатель использование тут сего претенциозного словечка), а попросту говоря, *нежизнеспособностью*, что и подтвердилось спустя полвека его — этого строя — бытия-истории (четверти века подъема и процветания, и четверти века стагнации и прозябания). Сталин начал с унаследованного им эсхатологического конца в критические постреволюционные 1920-е гг. и закончил, пусть и через сороковку лет после своей физической кончины, собственным эсхатологическим концом: от конца одного проекта до конца другого проекта (через шесть-семь-восемь десятков лет).

* * *

Невообразимая как вообще возможная реальность, Российская революция 1917 г. отозвалась через семь-восемь десятков лет не в одном только быстро одряхлевшем и ставшем вдруг не нужным сталинизме, ее — этой Революции — вполне реального дитяти, пусть и поначалу жесткого, непреклонного, даже и злого, но никак уж не распущенного, не капризного, не никчемного, сия Революция отозвалась и в последовавшей за внезапным уxo-

дом остаточного сталинизма новой, согласно территориальной принадлежности российской революции, как и одномоментно контрреволюции — относительно ленинско-сталинской революции 1917 и последовавших за сим событием годов. Именно так: не будь октябрьского переворота 1917 г. и явления сталинского социализма, не было бы и никакой реваншистской и даже возмезднической революции 1990-х.

Однако 1990-е гг. — не 1910-е и 1920-е гг. Новая революция, будучи совершенно буржуазной, прозападной, глобалической и по сути совершенно антироссийской, неожиданно оказалась противу себе самой и революцией... э-э... *про-российской*, открыв возможность нового самосознания и самоопределения именно России, ибо, побыв в бесцеремонных имперских объятиях глобалического Запада, Россия, сама имперская страна, каким-то чудом переориентировала гибридную революцию 1990-х на себя, на Россию, что стало более или менее ясно уже к середине 2010-х гг.

И тут является вполне любопытный и вполне каверзный вопрос: а имеет ли весьма антироссийская по сути своей Российская революция 1917 г. какое-нибудь позитивное отношение к сему чудесному развороту к России самого великого революционного антироссийского движения? Имеет, надо полагать, но... через отрицание самой себя и своих непосредственных следствий, ибо, вызвав к «жизни» сталинизм, уже немало и сам ее отрицавший, она невольно открыла возможность самосохранения, пусть и подспудного, России — как субстанции и даже как организма, пусть и ужатых и зажатых сталинизмом, но все-таки работавших, обеспечивая фактически все сталинские победы, включая и выход страны в космос.

Россия — принужденная «рабочая лошадь» сталинизма, а сталинизм — ее — этой «лошади» — диктатурное «погоняло»,

на тот момент, по-видимому и немало необходимое. Роковая ошибка Сталина-победителя и не столь уже победительных сталинских «орлов»-последышей состояла в представлении, что побежденную большевизмом Россию можно было эксплуатировать и эксплуатировать, присваивая себе ее — России — победы и достижения и не очень-то идя самой по себе России навстречу.

Нравится это кому-то или нет, но на рубеже 1980—1990-х произошел, пусть и нерешительно, непоследовательно и весьма коряво, бунт России против поработившего ее и нещадно эксплуатировавшего сталинизма, который возник в свое время вовсе не по желанию и не в угоду России, но был вынужден все-таки обратиться, причем не так к населению, которое он презирал, а именно к России — как к мистической субстанции и как все еще живому метафизическому организму. Однако пришел срок сбросить с тела и души России чуждый ее узурпаторский строй, даже к ней вроде бы приспособившийся, а по-другому ведь и быть не могло — *аз возмездие!*

Сталинизм, пусть и в «советско-социалистической», даже и в поздней гуманизированной одежке, не был в стране-территории, называемой до сих пор Россией, как и в народе-населении, называющим себя до сих пор русским и российским, всамделишно укорененным, своим, родным, а был лишь временно признававшимся за своего неизвестно откуда взявшимся чужаком, чего ведь не скажешь о столь презиравшейся большой революционной ратью, если не сбродом, России, которая, пусть и неловкая, и чудная, даже несурзная, была как раз корневой, своей, родной — вот почему и совершившей негромкую анти-сталинскую революцию, инициативу у которой быстро перехватила бестиарная, корыстная, присвоенческая, вполне и *супер-бандитская* революция 1990-х, но, о-о чудо! все-таки не вполне и не навсегда, отчего 2000-е гг. многое вдруг изменили: бытийно

оправданная и исторически узаконенная Россия вышла-таки себе навстречу, ведомая пророссийской или же всего лишь достаточно пророссийской властью, развернув, опять же негромко, крикливую антироссийскую революцию 1990-х в российскую сторону — чуть ли даже не революционно, — разумеется, криптогенно!

* * *

Итак, кое-какие итоговые заключения.

1. Российская революция 1917 г. — эпохальное событие, вполне сравнимое с Великой Французской революцией, если ее не превосшедшее по своему историческому значению, хотя, надо полагать, уступающее в том же аспекте Великой европейской (ренессансной) революции.

2. Такого рода революция, несмотря на ее длительную сознательную подготовку и влияние на ее свершение сонма neodолжимых, объективных и неотвратимых субъективных обстоятельств, включая и какие-то текущие предреволюционные деяния, события и происшествия, вольно или невольно катализирующие свершение революции, случается более всего как бы и не как бы *сама собою* — как следствие непереносимого более бытием-историей напряжения его внутренних (эзотерических) энергий и сил, их отрицательного для бытия-истории сгущения в каком-то охваченном усилившейся апокалиптикой месте (точке) и неотвратимого эсхатологического взрыва в сем месте (точке) протекающего, хотя на мгновение и в ужасе оторопело замирающего, бытия-истории.

3. Не бытийно-историческая, тем более — поверхностная, фактология тут в приоритете, хотя она и важна для восприятия и ближайшего понимания самого факта революции, а скрытая энерго-силовая динамика удаленной от внешнего наблюдателя

бытийно-исторической *криптосферы* (иными словами: не отчетливый физис бытия-истории с отражающей его четкой физикой тут в авторитете, а глухой метафизис с совсем и не очень-то ясной метафизикой).

4. Такого рода грандиозные события, хоть и обязаны своим свершением разным уловимым рациональной гносеологией объективным и субъективным обстоятельствам, даже и явным причинам, но в своей главной онтологической мотивации они не доступны для человеческого разума, оказываясь итогом действия необъяснимой до конца *вне-человеческой* воли, вполне и *трансцендентной* (не хотели, а случилось; хотели, а не выходит; хотели одного, а вышло совсем другое; не хотели ничего, а получили катастрофу; хотели свободы, а вышла... диктатура).

5. Вот почему любая большая революция творится прежде всего САМА.

6. Российская революция 1917 г. — выворотное и вполне целостное апокалиптическое потрясение не одной лишь самой по себе России, а и всего человечества вообще — со всеми его явными и неявными атрибутами.

7. Выходит, что не только Россию не понять умом и рационально не измерить, но и все человечество тоже, как и самого по себе человека, ибо как человеку себя понять, ежели можно сравнивать себя лишь с обезьяной, которая в таком сравнении вовсе не нуждается, а сравнивать себя с Богом, который тоже в подобном сравнении не нуждается, хоть и можно, но что это дает рациональному дознавателю в аспекте себя понимания, кроме уничижительного... — *ничто?* так что приходится человеку вообще, а не только русскому человеку, жить-поживать в исходном для себя *недоумении*, — только вот неотмирный русский давно сросся с таковым, а вот европеец, всё рационально трактующий, никак признать не хочет сего фундаментального недоумения,

никак не хочет; европеец ведь так до сих пор и не понял, почему он вдруг стал антихристовым гуманистом, но при этом еще и антихристом-революционером.

8. Революция 1917 г. свершилась в России, и Россия была немало виновата в свершении сего события, но в силу своей проевропейскости и антироссийскости, как и *вне*-российскости, сия революция не была органичной России, от чего правильнее было бы говорить о Революции 1917 г. *в* России, а не о Российской революции 1917 г.

9. И незаконно рожденный незаконной революцией сталинизм хоть, возможно, и был, как говорится, в чем-то конгениален России, но он не был ей органичен, как и сама породившая сталинизм Революция 1917 г., отчего, выполнив свою историческую миссию, более всего вынужденную, сталинизм не мог долго продолжаться в России, его с себя в какой-то момент и сбросившей.

10. Историческая миссия сталинизма и, соответственно, не помышлявшей о нём, но его чудесным образом предрасположившей Революции 1917 г. состояла, надо полагать, в следующем: во-первых, невольно доказать, что никакой сверхчеловеческий, наднациональный и внеэтнический, хоть по началу де и пролетарский, и международный, и многоклассовый социализм, тем более общинный, безгосударственный, внесемейный, безродный и т. д., ни экзистенциально, ни функционально, ни смысловó (эзотерически) *невозможен*; во-вторых, невольно доказать, что без собственно России ни сталинизму, ни миру, ни, тем более, самой России... попросту *никуда*; в-третьих, вопреки себе и своему социализму доказать, что Россия — сакральное, субстанциональное, бессмертное нечто, вполне в аспекте окружающей реальности иномирное, несущее в себе свою собственную программу и реализующее какой-то иномирный самой России вполне ей самой и не известный проект, отчего любые атаки на Рос-

сию, русскость и русский мир не только бессмысленны, тщетны, но и роковым образом вредны для самих же атакующих; в-четвертых, ускоренно, хотя и беспощадно и жертвенно, индустриализовать страну, создать в ней ренессансно-просветительскую цивилизацию, кое в чем даже опередившую ее передовой европейский аналог; в-пятых, не только укоренить и защитить страну, но и разгромить совместно со стратегически гибкими партнерами-союзниками агрессивный европейский фашизм, освободить Европу от коварного для нее антиевропейского проекта (римско-имперского, интегративного, тоталитарного), вывести СССР-Россию в разряд трех-пяти великих мировых держав — вершителей судеб мира; в-шестых, создать спасительное для страны и мира ядерное оружие, вырваться в космос; в-седьмых, невольно доказать не только нереалистичность последовательного социализма, но и напрасность попытки реализации мирового «красного проекта» на основе и в рамках «братского и бескорыстного единения» на планете всех «покрасневших» от соответствующих «красных» переворотов и революций народов (от невозможности «коминтерна» до тщетности «международной соцсистемы» и «международного соцдвижения»); в-восьмых, доказать на собственном примере, что ни тотальное насилие, ни безграничные репрессии, ни всеохватный сверху контроль, ни оперативная вольница государственных спецслужб, ни монолитность единой партийной властной системы, ни моноидеологическое доминирование, ни целевая рамочная обработка гражданского сознания, ни квазиармейская организация бытия, обыденности, хозяйства, ни всеобщее повиновение и жестокая дисциплина, ни тотальная плановость, ни отсутствие экономической свободы, ни замена реальных денег их учетно-распределительным суррогатом, в общем — никакой силовой тоталитаризм, пусть и оправдываемый высоким гуманизмом и

обыденным социализмом, не может быть органичным человеку и человечеству, как и стать орудием обретения Царства Божиего на Земле; в-девятых, что весьма и весьма важно — указать на порочность не только повторения сего тяжкого, хоть местами и победного, опыта, но и вольного или невольного устремления освобождавшегося от сталинизма бытия и его новых устроителей к слишком уж прямой противоположности грозному мелкообразному сталинизму, что как раз и было продемонстрировано сначала горбачевской «перестройкой», а затем ельцинским «реформированием», приведшими к исчезновению не просто СССР с его сталинизмом, а великого победоносного мира, вдруг попавшего под жуткую «крышу» коварного антимира и беспощадной преисподни с их аморализмом, беззаконием, анархией, алчностью, криминалом, грабительством, маргинализмом, ну и безусловно массовым предательством; в-десятых, что, заметим особо, не просто странно, но и категорически для многих нынешних «успешников» неприемлемо, а именно — обозначить неизбежность разворота послесталинской бытийно-исторической ситуации непосредственно к России — через посредство многоступенчатого припоминания Россией самой себя, возврата России к себе, но не к бывшей с ней когда-то в прошлом какой-либо конкретной феноменальности, а к русо-российской корневой субстанциальности, к своей исконной метафизической парадигме, к своей экзистенциальной концептуальности, к своему трансисторическому проекту, разумеется, не через новое умозрительное проектирование, а посредством вольного движения России в свое же будущее, — и все это не без символического обращения россиян к образу *бескорыстного деятельного вождя* — Сталина — и к сакральной созидательной силе, воздвигнутого им *победоносного державного могущества*.

* * *

Далее: могла ли Россия избежать Революции в 1917 г. и случившихся далее пертурбаций, событий, деяний, жертв, как и сталинизма с его СССР, ну а потом и Судного перестроечного дня в адрес «советского социализма», СССР и остаточного сталинизма с последующим в 1990-е гг. погружением страны в античеловеческую и антимировскую бездну? Ближайший наблюдательный ответ: и да, и нет, ибо, во-первых, тут явно «фифти-фифти», а во-вторых, убедительных аргументов тут хватит на любой из возможных ответов. А то, что никакого радушно-рационального ответа тут нет, важно для понимания того факта, что бытие-история творится, во-первых, так, как она творится, а во-вторых, творится явно *по-своему*, чего разумно-рациональному наблюдателю, оценщику и судии либо неизвестно, либо для понимания его недоступно.

Остается лишь метафизический ответ: именно так, как происходит, и должно происходить — по велению самого *Бытия-Истории*, которое вовсе не пассив и не только результат, а мощный актив, как и неистовый априор.

Нет, Бытие-История не готовило кулинарно ни российской революции, ни сталинизма, ни той же перестройки, но оно не прошло мимо (или без) всего этого — *вот что важно!* Не готовило сих роскошных блюд, но без них оно все-таки не обошлось! Тогда что же выходит, что всё в Бытии-Истории неизбежно, и человеку остается только это всё фатально принимать? Однако не все тут так уж просто: человек ведь тоже творит бытие-историю — хозяйствуя, трудясь, творя, управляя, рождая, убивая, созидая, разрушая, воюя, уничтожая, спасая, оберегая, бедствуя, бездействуя, — да мало ли еще чего вершит и не вершит по жизни своей человек — это разумно-безумно-неразумное, как и соз-

нательно-подсознательно-бессознательное существо. И ежели обратить свой взор на великих творцов (и дельцов, как и «недельцов» тоже) бытия-истории, то выявится особого рода «братание» между субъектом-вершителем и Бытием-Историей на то или иное волевое деяние или, наоборот, радикальное бездействие человека-вершителя, конечно же, моментное, сроковое или же долгое, почти что и бессрочное.

Не беря в пример слишком уж сакрализованного Христа, можно взять тех же Конфуция, Магомета, Лютера, как и тех же великих авантюристов вроде Македонского, Кортеса или Бонапарта, как и великих устроителей мира сего вроде Перикла, Цезаря, Петра I, и заметить, что Бытие-История явно считалось с их великими деяниями, хотя и по-разному и на разные сроки. Нечто подобное мы можем увидеть и в близком нам отечественном бытии-истории, находя самые разные примеры субъектного взаимодействия с ходом Бытия-Истории: бездеятельный и безуспешный (не)правитель Николай II, готовивший, не сознавая того, славное революционное блюдо, тот самый (не)деятель, которого (не) приняло Бытие-История в свете последовавших в России эсхатологических событий; волевой, решительный, успешный, но преданный серым окружным обывательством, включая и самого недальновидного и «боязливого» императора, реформатор-преобразователь Столыпин, субъект-одиночка, (не) вошедший в прочный, хотя и весьма заискрившийся, контакт с Бытием-Историей; бездеятельный, неумелый, пиарный неудачник Керенский, лишь скользнувший о «тело» Бытия-Истории, им и решительно отвергнутый; умный, бойкий, беспощадный Ленин — утопист-неудачник, но принятый Бытием-Историей на мгновение в виде острого булата к свершавшейся уже Революции и уже на немалый срок в виде революционного призрака-мифа; примерно такой же, может, менее умственно утопичный и более по харак-

теру наивный Троцкий с яркой и печальной судьбой жертвенного неудачника; умный, скрытый, коварный и беспощадный Сталин, волевой, упорный и... гибкий, хоть при этом и не вертлявый, одним словом — *вождь*, единственный, кого Бытие-История не так приняло, как на время кому... э-э... *подчинилось*... да-да, именно так, ибо ситуация была очень и очень крайняя, а времени на ее выпаривание и преодоление не было, отчего Сталину и удалось не просто предложить Бытию-Истории свой сталинизм, им, кстати, вовсе и не выдуманный, а и навязать его Бытию-Истории, а последнему на сталинизм вынужденно согласиться, правда, лишь на некоторое, хотя и значимое, время; хитроумный, ловкий, скользкий, неулавливаемый Горбачев — могильщик сталинизма, уже, правда, изношенного, чье деятельное бездействие как нельзя лучше подошло Бытию-Истории, хоть и не подошло в моральном плане «честному российскому люду»; наконец, но... не будем тут распространяться о действующем современнике-макиавеллисте, ибо хоть и многое уже налицо, но движение его личное и динамика его союза с Бытием-Историей еще всю продолжаются.

Из сказанного выходит, что кое-какое субъектно-субъективное влияние на бытие-историю не только возможно, но и всю или же не всю случается. Да, это так, но, заметим, по «хотению» все-таки Бытия-Истории, которое объемнее, гуще и весомее любого субъектно-субъективного хода человека, мало того, оно человеку в исходе, основе и по итогам совершенно ведь не известно. Иное дело, что человек может войти в резонанс с Бытием-Историей, причем как в плане свершения чего-то им — человеком — желаемого, так и в аспекте недопущения чего-то, человеком нежелаемого.

Так можно ли было предотвратить Российскую революцию 1917 г. и все за нею последовавшее, как и предотвратить ту же невнятную перестройку и последовавшую за ней катастрофу?

Нельзя! Нельзя потому что Столыпина «ушли», а тот же Андропов... э-э... не успел сделать что-то такое, чтобы безоговорочно отвести ему роль возможного спасителя Отечества. Короче, не возник ни тогда, в преддверии Революции 1917 г., ни недавно, в преддверии перестройки, тот самый *субъективный фактор*, способный повлиять в желаемом направлении на нежелательный ход Бытия-Истории.

В общем, можно на сие влиять, — и ведь влияют же, — но... лишь *избранным* фигурантам истории, только... *избранным*, да и то по каким-то великим исключительным случаям.

* * *

И последнее: *о мистике Российской революции.*

Да, феномен Российской (Русской) революции как некая извечная принадлежность Руси-России и в самом деле *мистичен*, — и не только потому, что не подлежит рациональному, тем более — научному-де объяснению, а более всего именно своей атрибуцией Руси-России, бытие-история которой никак не обходится без революционных, параревolutionных или хотя бы квазиревolutionных происшествий, являющихся неременным следствием каких-то глубинных («подземных») или же высших («занебесных») мотиваций, процессов и толчков, тех самых, что как раз и вызывают время от времени необъяснимые просто так экзистенциальные судороги всего русо-российского организма.

Неотмирность дорого обходится Руси-России при ее взаимодействии с зёмным миром: тут явный экзистенциальный конфликт, вовсе широким людом и не осознаваемый, — то замирающий, то, наоборот, внезапно разжигающийся: схожий хронический конфликт имеет место у Руси-России со своей стойкой и злотворной *анти*-положностью, — тоже то возгорающийся, то затихающий; а еще и не исчезает конфликт между миром люд-

ским и миром вполне себе нелюдским, как раз уже не миром, а *антимиром*, — тоже стойким и живучим — на евразийских-то просторах. Русь-Россия от всего этого сакрально конфликтного как бы в непрерывном, пусть на время и замедляющемся, чуть ли иной раз и не исчезающем, *становлении*: Русь-Россия время от времени как бы умирает и как бы заново рождается, то ли чего-то небывалого при этом ища, то ли от чего-то в ужасе отпрядывая. Устойчивый в своей неустойчивости, животворящий, но при этом и весьма смертоносный, экзистенциальный котел-невидимка — вот что такое Русь-Россия, не находящая себе места, сидя на своем же месте, вовсе не стремясь превращать сие насиженное ею сакрализованное место в какое-то там Царство Божие на Земле!

Чего же хочет Россия? Кто же это знает, ежели сама Россия этого не знает, хотя, видно, чаёт Россия чего-то... ИНОГО — ИНОМИРНОГО, вовсе не этого и совсем не того, а вот чего же... э-эх... если б знать, если б знать!

Проект под кодовым названием «РОССИЯ» реализуется-таки Бытием-Историей, пусть и витиевато, дискретно, как и рискованно, и жертвенно, но все-таки реализуется, — и в сегодняшний день — день 2017 года — реализуется в особенности, что подтверждается, конечно же, не разумом, не расчетом, не бесспорной выверкой, а всего лишь интуитивно, эзотерически, метафизически, даже и вслепую — *мистически*: а ежели все это не так, то зачем же тогда вся эта многовековая российская заваруха, а-а?

«Умом Россию не понять...

...В Россию можно только верить!»

Вот так!

Ю.М. Осипов

Я — революция

1917—2017: сто лет Российской революции —
столетие российских революций

Подписано в печать 16.10.2002.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Печ. л 2,0. Тираж 100 экз. Зак. №

Издательство «ТЕИС»
115407, Москва, Судостроительная ул., 59
Тел. (495) 939-32-28

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6